

*А. В. Кацура, И. И. Мазур,
А. Н. Чумаков*

ПЛАНЕТАРНОЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО

На краю пропасти

ПРОСПЕКТ

Александр Чумаков

**Планетарное человечество:
на краю пропасти**

«Проспект»

Чумаков А. Н.

Планетарное человечество: на краю пропасти / А. Н. Чумаков —
«Проспект»,

ISBN 978-5-39-219496-4

Можно ли рассчитывать на исторически живое, деятельное и творческое будущее для планетарного человека? Этот простой до наивности вопрос на деле является самым главным и острым в наши дни. Будущее повисло над нами грозным вопросительным знаком. Уже нельзя игнорировать того, что пересеклись два противоречивых момента планетарного масштаба: с одной стороны, рост технической и экономической мощи человечества, породивший множество глобальных проблем, требует адекватных решений; с другой, региональная и местная нестабильность, вспышки национализма, локальные войны, идеологические и конфессиональные распри, отсутствие заметного нравственного и культурного прогресса лишь усиливают экономическую и социально-политическую напряженность. Что в этом принципиальном противостоянии окажется более весомым и значимым? Чем будет определяться истинное предназначение человека, какова будет поступь истории уже в ближайшем будущем, притом что счет пошел уже на десятилетия?

ISBN 978-5-39-219496-4

© Чумаков А. Н.

© Проспект

Содержание

Будет ли завтра? (вместо вступления)	6
I. Человек растерян	10
Глава 1. Наедине с вечностью	10
Глава 2. Жесткие вызовы современности	13
О глобализации	14
Глобализм и традиции	18
О научном направлении «Глобалистика»	23
Проблемы и понятия	25
Войны	25
Геополитика	26
Антропополитика	27
Геокультура	27
Глобальная экология	28
Этносы, расы и нации, национализм	28
Религии, конфессии, «просвещенный атеизм»	28
Планетарный уровень, интернационализм, космополитизм	29
Методология	30
Глава 3. Планета – неуправляемая система	34
Саморегуляция	34
Управление и цели	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

А. В. Кацура, И. И. Мазур, А. Н. Чумаков
Планетарное человечество:
на краю пропасти

Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые...
Фёдор Тютчев

[битая ссылка] ebooks@prospekt.org

Будет ли завтра? (вместо вступления)

Мы стоим перед угрозой серьезного кризиса. Мы уже не можем попросту ждать событий и терять время... пока еще есть надежда...
Эрих Фромм

Сократу и Платону было хорошо, они имели право философствовать безмятежно – перед ними расстилалась историческая перспектива минимум в две с половиною тысячи лет. Античные ритмы жизни никуда не торопили. Почти столько же впереди было у Сенеки и Эпиктета. Неплохо мыслилось и Копернику с Галилеем – толща времен в половину тысячелетия перед ними определенно лежала. Не то чтобы они это знали. Нет. Скорее всего, они об этом просто не задумывались. Они интуитивно ощущали расстилавшееся впереди бескрайнее будущее. Они были ему рады. Оно их вдохновляло. Именно для него они творили. И этого было достаточно для великого спокойствия духа. Для них человечество было бессмертным. Равно как и Вселенная. Естественная временная перспектива их взгляда уходила в туманную бесконечность, полную ожиданий и надежд. Этому не препятствовало унаследованное от древних представление о круговороте времен. Размышляя о времени, о его цикличности, об исторических возвратах, они никогда не упускали из виду вечность. Это сообщало их чувствам и их интеллекту необоримую философскую невозмутимость. Эсхатологические учения о конце космоса и истории, представления о втором пришествии, а также отдельные эксцессы, связанные с паническим настроением толп, ожидавших конца света при приближении символических дат (например, тысячного года по юлианскому календарю), на настроение больших умов особого влияния не оказали.

В эту общность можно добавить очень многих мыслителей и ученых – Блаженного Августина и Фому Аквинского, Николая Кузанского и Френсиса Бэкона, Эразма Роттердамского и Рене Декарта, Бенедикта Спинозу и Исаака Ньютона, Иеремию Бентама и Георга Гегеля... Впрочем, были и такие тонко организованные и одновременно болезненно чувствительные умы, которые беспокоились о хрупкости и ненадежности вечности и бытия, доводя себя до крайнего нервного напряжения, порою без видимых оснований – Паскаль, Беме («Бог как пропасть»), Мальтус, Шопенгауэр, Кьеркегор, Достоевский, Ницше, Шестов, Кафка, Унамуно, Камю...

А что сегодня?

Сколько впереди? Какова дистанция исторического времени, которую предстоит пройти человеку?

Хотелось бы – пусть интуитивно, без особых доказательств – ощущать впереди новые столетия расцвета нашей жизни и культуры, тысячелетия, да хоть миллионы. Почему бы не считать, что мощи человеческого интеллекта, размаху его достижений, глубине его упований нет видимого предела? Как было бы славно быть уверенным в этом. Однако сегодня, когда объективно текущие процессы глобализации набирают, несмотря на острые противоречия, все более осязаемые темпы, многое радикально изменилось – и не только в области философского осознания, но и в сфере реальной жизни.

Мировое сообщество вполне могло бы жить на земле как в раю – все необходимое для этого есть. Но общего для всех рая на нашей планете никогда не было и, что еще более важно как минимум на обозримую перспективу не предвидится. И это при том, что теперь, когда к началу XXI в. созданы, казалось бы, все необходимые материальные, технические и духовные предпосылки для организации мирной и комфортной жизни на земле, большинство людей в разных точках мира живут в условиях, которые трудно назвать достойными гордого имени Homo Sapiens. Более того, за исключением избранного меньшинства, люди не просто живут

в бедности и нищете, – они порождают и постоянно воспроизводят суицид на земле. Но внешняя жизнь человека тесно связана с его внутренней жизнью. Чем хуже и мельче живет человек вовне, тем плоше и беднее он живет внутри – в своем сознании, в душе своей. Справедливо и обратное, ибо это взаимозависимые мотивы. Чем шире мы изучаем обстоятельства вокруг человека, тем острее мы обязаны вглядываться в глубину человека – и социального, и индивидуального.

Так есть ли у человечества перспектива – если уж не рай на земле построить, так хотя бы ада избежать? Осталось ли у него время на размышления? Может ли оно позволить себе и дальше нещадно эксплуатировать природу и выяснять отношения с помощью все более совершенного оружия?

Человечество – буквально на наших глазах – перестало быть бессмертным. Эта вполне очевидная и весьма неприятная истина стучится в сознание многих. И хотя она еще не изменила стиль жизни не то чтобы миллиардов, но даже миллионов людей, наиболее пронзительные из них серьезно озабочены нарастающими угрозами. Социальные мыслители готовы предложить целый веер сценариев, повествующих о конце всемирной цивилизации, имея в виду политические конфликты и разрушительные войны, религиозные споры и экологические угрозы, природные катастрофы и неожиданные опасности технологического развития. И вот, вместо привычной философской невозмутимости, мы сталкиваемся с великой философской тревогой.

Но тревожатся не только философы и социологи вкупе с глобалистами и антиглобалистами. Тревожной стала и наука в целом, включая самое трезвое ее поле – естествознание, включая физику и биологию. Наука, еще недавно столь авторитетная, столь уверенная в своем незыблемом могуществе и неизбежных очередных успехах по выявлению тайн у природы, откровенно стала примерять к себе одежды беспокойной футурологии, глубоко озабоченной прогностики. Она пылливо, порою нервно, вглядывается в будущее – и отдаленное, и ближайшее. В научных построениях вновь зазвучали мотивы древней эсхатологии, темы конца света и конца истории, прежде свойственные только религиозным размышлениям. Возможно, первым ясно и жестко об этом заговорил великий эволюционист Жан Батист Ламарк, который еще в начале XIX в. в примечании к одной из своих работ написал: «Можно, пожалуй, сказать, что назначение человека как бы заключается в том, чтобы уничтожить свой род, предварительно сделав земной шар непригодным для обитания». Это было сказано с поразительной смелостью, но и с несомненной грустью в то еще время, когда разрушительное воздействие человека на окружающую среду не было столь очевидным.

Теперь же, когда это стало угрожающей реальностью, в полную силу встают вопросы: какое время простирается перед нами, нынешними жителями планеты? Сколько, тысячелетий, столетий? А, может, счет пошел на десятилетия? Кто ответит?

Разумеется, далеко не все в научном сообществе настроены тревожно, тем более – апокалиптически. Вовсе нет. Можно говорить о спокойствии, невозмутимости или даже беспечности немалого количества ученых, равно как и представителей других социальных групп. В значительной степени это можно понять и даже до известной степени оправдать, ибо это спокойствие создает более или менее устойчивый эмоциональный и интеллектуальный фон, некую основу здравого смысла. Катастрофические настроения, тем более, паника никогда не бывают ни полезными, ни, тем более, конструктивными. Но вот известная тревога при этом допустима, порою даже необходима, если только она порождает стремление к действию по осмыслению и благоприятному изменению трудной или даже тупиковой ситуации. Тем более эта тревога ценна, если ведется в спокойном тоне, без тонов кликушества и истерики.

Здесь, однако, нужно сделать важную оговорку. Стратегическое спокойствие, не говоря уже о простой беспечности, обычно покоится на прежнем опыте: так было вчера, значит – так будет и завтра. Во всяком случае, мы привыкли к тому, что нечто похожее, известное мы

должны ожидать и в перспективе. Подобный взгляд до известной степени был оправдан, когда протекающие процессы были линейны или близки к таковым. Но суть современной ситуации такова, что глобальный мир вовсе не линейный, как было принято считать еще совсем недавно. Тому есть много свидетельств научного и даже практического характера. Мировая динамика довольно резко изменилась за последние десятилетия, и скорость этих изменений нарастает. Говоря языком авиаторов, мы все больше погружаемся в зону турбулентности. Внимательный анализ кривых, описывающих рост большинства параметров современной цивилизации, подтверждает и быстрый рост, и высокую вероятность нелинейных эффектов. Симметрии между ближайшим будущим и ближайшим прошлым больше нет. Это обстоятельство стало подлинным проклятием для тех направлений в науке и практической деятельности, которые связаны с долгосрочным планированием, тем более – с футурологией, прогностикой и моделированием будущего не только отдаленного, но даже и ближайшего.

Мы иногда с отеческой иронией посматриваем на древних мыслителей, на их сравнительно малый интерес к будущему, к изменениям и переменам, на их консервативное понимание времени, на наш взгляд столь наивное. Это сегодня мы понимаем, что мотив «Ничто не ново под Луной», господствовавший в течение столетий и даже тысячелетий, устарел. Но хватает ли мудрости и железной смелости взора нам самим? В достаточной ли степени открыты наши глаза? Именно в те дни, когда многие процессы приобрели стремительные, а то и безумные темпы.

Младший современник Ламарка русский поэт Александр Пушкин со свойственной ему искрящейся иронией тоже вглядывался в будущее и, на первый взгляд, вполне оптимистично. Вот что он, в частности, пишет в романе «Евгений Онегин»:

Когда благому просвещенью

Отдвинем более границ

Со временем (по расчисленью

Философических таблиц

Лет чрез пятьсот) дороги, верно

У нас изменятся безмерно

Шоссе Россию здесь и тут

Соединив, пересекут

Мосты чугунные чрез воды

Шагнут широкою дугой

Раздвинем горы, под водой

Пророем дерзостные своды...

Тут все замечательно – и просвещение, и строительство шоссе, и передвижение гор, и туннели под реками и морями... Ведь Пушкин, имея в виду далеко не только Россию, многое угадал – можно припомнить и грандиозные мосты типа Бруклинского или Golden Gate, и метро в больших городах, и, наконец, пятидесятикилометровый туннель под Ла-Маншем. Но

настораживает одно слово – *дерзостные*... Поэт не зря его употребил. Он прекрасно понимает, что в дерзости деяний прячется прометеевский мотив – безоглядной смелости свершений и неизбежности тяжкого наказания.

Свой знаменитый «Памятник» Пушкин написал по мотивам аналогичного стихотворения римлянина Горация. Около двух тысяч лет разделяют этих поэтов, но оба они ездили на лошадях и писали гусиным пером при лучине. Почти два тысячелетия ничего не менялось. Но вот если бы Пушкин, родившийся в 1799 г. и погибший в 1837-м, не успевший увидеть железную дорогу, фотоаппарат и электрическую лампочку, прожил бы... ну, скажем, как виртуозный балетмейстер Игорь Моисеев, – 101 год (вполне реальная для творческого человека, как мы видим, цифра), то он застал бы не только фотографию и столбы с проводами, не только сверкающие электрические люстры в театрах, не только подземные поезда, но и автомобили, кино, телефон, радио, звукозапись и даже рентгеновский аппарат... Пушкин говорит по телефону, слушает радио, записывает стихи на фонограф, дарит друзьям свои фотографии – вы только представьте себе!

И оставалось бы столетнему Пушкину всего три года до самолета братьев Райт, семь лет до первого опыта по электронному телевидению Бориса Розинга в Санкт-Петербурге, пятнадцать лет до авиационных бомбежек Первой мировой... Вот как все это быстро случилось. И оставалось всего-то около полувека до ядерной бомбы и выхода человека в космос, до лазеров и компьютеров, до Интернета и сотовых телефонов, смартфонов и айпадов, до пересадки сердца и генной инженерии, нанопорошков и возможности клонировать человека...

А что будет завтра? И будет ли оно вообще, это «завтра»?

А если и будет, то для кого?

Нравится ли нам человек сегодняшний?

Не напугает ли нас человек дня завтрашнего?

Тут следует отметить одно удивительное противоречие нашего времени. В то время, как нынешние космологи и астрофизики все более уверенно, с радостными интонациями победившего интеллекта, говорят о *миллиардах* лет, давая при этом достаточно выверенные оценки возраста нашей Вселенной, социально и исторически озабоченные антропологи с отчетливой тревогой размышляют уже не о веках, но лишь о *десятилетиях* ближайшей и, несомненно, трудной истории человечества. За этим видимым несоответствием временных масштабов не может не скрываться какая-то ускользающая от нас тайна.

І. Человек растерян

Глава 1. Наедине с вечностью

Если сияние тысячи солнц вспыхнуло бы в небе, это было бы подобно блеску Всемогущего...

Я – Смерть, Разрушитель Миров.

Бхагавад-Гита

Эти строки из древней индийской книги вспомнил и процитировал Роберт Оппенгеймер после испытания созданной им и его коллегами в Лос-Аламосе атомной бомбы. В каком-то смысле это был переломный момент в истории человечества: путь от глиняной посуды, каменного топора и первого плуга до возможности спалить планету за считанные часы был пройден за несколько тысяч лет (геологические минуты). При этом бешено закрученная спираль эффективных технологий заняла всего два века, ну, может быть, три (геологические секунды). Но самое взрывоопасное было создано за последнюю сотню лет.

Если прошедший век был столь насыщен всякого рода открытиями и свершениями, то чего следует ожидать нам от начинающегося очередного столетия? Вправе ли мы думать, что технологический натиск по каким-то причинам замедлится, новые открытия не будут сваливаться на нас с бешеной частотой и невероятным треском? Можем ли мы думать, что у нас появится спокойный исторический отрезок, дабы не спеша разобраться с проблемами, порожаемыми наступающими технологиями и все усиливающейся глобализацией?

Великое торжество техники и технологий!.. С одной стороны, это огромный успех человеческого разума. С другой – это игры с темными силами мира, как это понималось в античности и, особенно, во времена средневековых алхимиков. Два-три последних рациональных века смотрели на технику проще – как на разбуженные и упорядоченные силы природы. И не просто разбуженные, но скорее даже спровоцированные человеком (*хитростью его разума*, по выражению Гегеля) на столкновение между собой. Сталкивая силы природы, человек извлекает пользу. Могучие силы природы сражаются *для нас*, словно бойцы на боксерском ринге. Бушуют процессы в химических реакторах, с ревом вращаются турбины электростанций, гремят взрывы в рудниках и карьерах, с огромной силой сталкиваются частицы в ускорителях... Происходит своеобразная канализация и концентрация природных сил, когда они заперты в газовые трубы, в провода дальних электропередач или спрессованы в плутоний на атомных станциях... Последнее напоминает своеобразную посадку в темницу, в тесную камеру, но природные силы всегда готовы к бунту, это надо постоянно иметь в виду. Любой перегретый котел может взорваться.

В последние десятилетия люди научились не только пробуждать скрытые силы вещества, но и тайный *разум природы* – создавать квази-разумную электронно-вычислительную технику. Совсем недалеко до квантовых компьютеров и совмещения цифровой техники с биотехнологиями, с *живым веществом*, что может привести к невероятным, непредсказуемым результатам (включая появление биокомпьютеров и внедрение чипов в мозг человека).

Что еще мы откроем завтра и послезавтра? Какие силы приведем в действие, причем не только добрые, созидательные, конструктивные, но и темные, разрушительные, губительные?! В какую сторону будет нарушено равновесие?

Как ни странно, культурное сообщество, деловые круги и политические элиты продолжают заниматься своими обычными делами, привычным кругом задач так, будто бы ничего особенного не происходит. В ходу дежурные фразы о научно-техническом прогрессе, о необ-

ходимости продолжения фундаментальных исследований, о дальнейшем развитии технологий, не говоря уже о постоянном экономическом росте, увеличении промышленного производства, наращивании национального ВВП и т. п. При этом на людей, которые профессионально работают в науке и технике, нередко смотрят без должного внимания, а то и с долей снисходительности, чуть ли не с презрением. Эти «технари» давно уже не герои эпохи. Их имена уже не гремят, как то было во времена Эйнштейна и Рассела. Пусть они копошатся в своих лабораториях и кабинетах, словно в темных шахтах. Для того чтобы они попали на первые полосы газет или на экраны ТВ, нужен не столько научный успех, сколько сама шумиха – например, сообщение о самом большом и дорогом ускорителе – подземном кольце туннеля в 27 километров – для поиска некой неуловимой частицы. Подойдет и финансовый скандал – как это случилось некоторое время назад с математиком из Петербурга Григорием Перельманом, отказавшимся от премии в миллион долларов.

И в то же время большая часть перевалившего за 7 миллиардов населения планеты прозябает в беспросветной нищете, да и в темноте, тогда как в руках незначительного меньшинства сосредоточены основные богатства всего человечества. К тому же разрыв между бедностью и избыточным богатством постоянно увеличивается. Но дело далеко не только в этом. По миру – в напряжении тревоги – разбегаются длинные разветвленные трещины. Это разрывы, это болезненные границы в области культуры и духа. В то время как одни люди становятся в личностном плане глубже и богаче, другие – и имя им легион – лично мельчают, а в духовном плане становятся все более примитивными, но при этом более агрессивными. И эта темная энергия масс весьма взрывоопасна.

В итоге наиболее чувствительные души и проницательные умы испытывают все возрастающую тревогу и резкое неприятие такого положения дел. Рождается ощущение приближения некоего перелома, своеобразной *переходной исторической точки*, за которой могут (или даже *должны*) открыться новые горизонты. Возникает и более тревожный образ – человечество на краю пропасти! И это при том, что стремление построить если не рай на земле, то хотя бы устойчиво развивающееся общество, все чаще оборачивается то в одних, то в других местах все новыми потрясениями и трагедиями, а то и вовсе порождает сущий ад.

Неужели мы уйдем в никуда, предварительно изуродовав окружающую нас природу и самих себя, но так и не поняв своего *подлинного предназначения*?!
Для чего и кому мы нужны? Самим себе?

Для чего и кому мы нужны? Самим себе?

С какой целью действует великий механизм эволюции?

Куда и зачем разворачивается история?

Кому нужна Вселенная? Нам? Самой себе?

Для какой надобности существует этот гигантский театр разбегающихся галактик?

Мыслимо ли вновь сопоставить эти масштабы с малостью земного человека и его канителью, суетой, унылой повседневностью?

При кажущейся наивности это вопросы не просто вечные, на самом деле они неразрывно связаны со всем массивом высокой человеческой культуры, с самосознанием человека и с определением путей его дальнейшего развития. Эдмунд Гуссерль заметил в свое время, что величайшим историческим феноменом является борющееся за свое самопонимание человечество. Философ пытался в этой мысли совместить несовместимые, казалось бы, масштабы. Для него важны не столько внушительные процессы, изменяющие облик земли, сколько протекающее

в келейной тишине и мало отмеченное историками упорное стремление человеческого духа к пониманию тайны человеческой природы и самого бытия.

При ближайшем рассмотрении нас не может не поразить (как когда-то Паскаля) абсурд бесконечности мира. Бесконечность непонятна, трагически молчалива и бесприютна...

Но не менее парадоксален и абсурд вечности. К чему прокламируемая официальными религиями вечная жизнь души? Не есть ли это насмешка? Не есть ли это собрание пугающих и утешающих человека темных метафор? Или это просто смутные искания недостаточно отшлифованного интеллекта? Но ведь не более утешительно так называемое здравомыслие «нормальной науки» (скажем, безоглядных сторонников классического дарвинизма), которое, рисуя нам мир последовательной, но не вооруженной никакими целями эволюции, просто отодвигает «вечные вопросы» в сторону, отдавая их на откуп свободомыслящим философам, религиозным мыслителям и писателям-фантазерам. Однако на деле это здравомыслие само опирается в непреодолимые барьеры. Ведь до сей поры никто из эволюционистов не объяснил нам, откуда у эволюции столько упорства и даже виртуозности в построении живых и даже мыслящих систем, если она не преследует никаких целей. Если эволюция изначально слепа, то откуда, как, а главное, зачем могли появиться «Илиада», «Божественная комедия» или «Фауст»? «Реквием» Моцарта или Девятая симфония Бетховена? Кто-то скажет, что вопрос поставлен некорректно, ибо эволюционисты не видят тут прямой связи и не считают нужным ее искать. Эволюция – это гигантские времена и пространства, в то время как культурные достижения творческих людей, несмотря на их глубину, – явления локальные и даже частные. Казалось бы, такую мысль можно допустить, но на самом деле два ли допустимо именно так расценивать небывалые культурные взлеты. Реальное присутствие вокруг нас сложных и сверхсложных объектов, в том числе субъективно ориентированных систем с жизненным напором, творческими исканиями и нравственными сомнениями (включая и нас самих, и плоды нашего творчества, и рискованные попытки самопознания) делает этот вопрос не только корректным, но и весьма острым, сулящим неожиданные повороты в нашем общем понимании мира и самих себя.

А ведь в биологической эволюции человека наступают своеобразные времена. Достаточно сослаться на уже практически открытую генетикой возможность перепрограммирования генов человека. Особенно остро это звучит по отношению к недавно открытым генам «эгоизма» и «альтруизма». Ведь возможность генетической самоперedelки человека (самосовершенствования? нравственного перерождения и улучшения?) порождает новый сонм вопросов, как интригующих, так и пугающих.

А союз и совмещение биологической эволюции с технологической?! А неизбежное появление сверхсложных аппаратов (всякого рода киборгов и андроидов), которые с необходимостью вступят в конкуренцию с человеком?! Куда и как повернет тогда мировой процесс? И не о каком-то отдаленном будущем речь, это может случиться уже в обозримой перспективе – лет через 30 или 50.

Глава 2. Жесткие вызовы современности

... Не сатана, несущий зло вовек,
Не ценящий живое и в полушку,
А человек, подумать – человек! —
Свой дом, свою планету «взял на мушку».

Александр Соболев

В нынешнюю эпоху *ощутимо наступающей глобализации* очень многое в наших взглядах неизбежно меняется. И мы едва ли можем пройти мимо *важнейшего противоречия эпохи* – вместе со светлыми надеждами и планами по построению единой человеческой семьи встают колоссальные, небывалые ограничения и трудности дальнейшего существования технически вооруженного человека на своей собственной планете, такой неожиданно маленькой и такой хрупкой. При этом наряду с главным противоречием мы то и дело сталкиваемся с целым рядом других, тесно связанных с ним противоречий подсистемного уровня, достаточно хорошо описанных в научной литературе и публицистике последних десятилетий. Это проблемы сохранения мира и уничтожения оружия массового поражения, а также экономические, политические, идеологические, религиозные и иные конфликты, нередко перерастающие в вооруженные столкновения, а то и вовсе в полномасштабные локальные и региональные войны. Это также острейшие экологические проблемы, нехватка сырьевых и энергетических ресурсов, климатические изменения антропогенного характера, дефицит пресной воды, несбалансированное социально-экономическое развитие отдельных стран и регионов. Наконец, это серия вопросов, связанных с современным индивидом: вызывают озабоченность его отягощенная плохой экологией и техногенным влиянием генетика, его зомбированная рекламой ментальность и сформированное современными медийными технологиями разорванное, лоскутное, клиповое сознание, в то время как качественное образование, дающее целостную картину мира, и утонченное воспитание, формирующее душу, остаются уделом совсем немногих. Как следствие, мы наблюдаем пошатнувшиеся нравственные идеалы, нарастающую иррациональность, враждебность по отношению к высоким культурным стандартам, вспышки не вполне адекватной и очевидно агрессивной «новой религиозности».

Все эти противоречия складываются в некую мало приятную систему, далекую от гармонии и устойчивости. Это колоссальный вызов для людей, размышляющих и действующих, и этот вызов должен быть принят, осмыслен и преодолен. В этой связи необходимо сформулировать современный принцип первостепенной важности: **возможное решение накопившихся проблем лежит не в стороне от процессов объединения мира и не в конфронтации с ними, нет, напротив – в широком и тесном союзе с их объективной созидательной силой**. Отдельные, локальные, фрагментарные усилия ничего на деле решить уже не могут. Речь должна идти о подлинно системном подходе планетарного масштаба. Другими словами, исторически объективное, но в наши времена пропущенное через субъективное понимание и разумные действия человечества объединение в единую семью – подлинный ключ к решению и преодолению проблем, нависших над людьми на манер Дамоклова меча.

За этим пониманием и действием скрываются беспрецедентные усилия, но они должны быть предприняты. Они обязаны быть предприняты. Насколько мы к этому готовы? Ведь не только бессмысленная борьба с тенденциями глобализма, не только их сознательное торможение, но даже недостаточное их понимание и невнимание к ним может обозначить путь к катастрофическому историческому провалу.

Вот почему означенный принцип можно усилить: ключом к решению накопившейся груды проблем являются не вялотекущие и противоречивые процессы взаимодействия стран и регионов (на фоне отдельных политических, военных, этнических столкновений и всякого рода

кровавых эксцессов), но объединение *продуманное, уверенное и успешное*, которое эффективно соединяет объективные и субъективные тенденции развития мира, которое разворачивается достаточно быстрыми темпами и которому не ставят палки в колеса. Только надо добавить, что за этим тезисом, столь легко и даже с оттенком утопичности сформулированным, на деле скрывается очень серьезная программа. Эта программа неизбежно включает в себя множество достаточно жестких позиций, требований и условий, но выбора у современного человечества по существу нет. И это при констатации того обстоятельства, что сегодня, во втором десятилетии XXI в., мир в целом к этому не готов ни геополитически, ни идеологически, ни ментально.

Предпосылки к такой готовности есть, но самой готовности практически нет.

О глобализации

Повторим еще раз важный мотив: мировое сообщество вышло ныне на такой уровень отношений различных стран и народов, когда во имя сохранения жизни на Земле и обеспечения устойчивого развития необходим переход от раздробленности, разобщенности и фрагментарности мировых социально-политических и экономических связей к их единству, целостности и согласованности в глобальном масштабе. Этот переход, реально ныне разворачивающийся, как раз означает процесс *глобализации*, а трудно складывающийся единый союз землян мы вправе назвать *планетарным человечеством*.

Неизбежность подобного перехода стала зримо обнаруживать себя уже со второй половины ушедшего века, однако мировое сообщество по сию пору не успевает на этот вызов не только адекватно отреагировать, но даже в достаточной степени теоретически осмыслить, осознать суть происходящего. По инерции быстро меняющийся мир пытаются понять и описать с помощью привычных, но уже не вполне адекватно отражающих современность понятий – таких, например, как «национальное самоопределение», «национальные территории», «национальный суверенитет», «национальные границы», «государственные границы», «национальная безопасность», «государственная безопасность», «таможенные барьеры», «таможенные союзы», «геополитические интересы», «военные союзы», «военные базы», «стратегическое доминирование» и т. п., при этом теряются перспективы мирного решения общечеловеческих проблем и выхода из затяжного глобального кризиса.

Вместе с тем с ростом осознания, что никто не может уклониться от участия в преодолении общих для всего мира проблем, множатся и обостряются споры о мере такого участия и доле ответственности различных стран и народов. Более того, разногласия становятся тем острее, чем дальше человечество, оставаясь поделенным на «национальные квартиры», продвигается по пути глобализации, тогда как разрыв в уровне социально-экономического развития различных народов нарастает. Поневоле множатся препятствия на пути формирования планетарного гражданского общества, которому на деле альтернативы нет, если говорить о преодолении фрагментарности и складывания целостного мира. Встает вопрос: сумеет ли мировое сообщество от ментального осознания своего единства перейти к реальному единению, стать – при сохранении культурного разнообразия, национальной идентичности и разности частных интересов – обществом открытого типа? Ответ не очевиден. Современный мир – лоскутное одеяло, сотканное в результате столкновения различных интересов на ограниченной территории планеты, где отдельные государства не столько сотрудничают и конструктивно взаимодействуют, сколько конкурируют, противостоят и враждуют друг с другом.

И это в то время, когда решение современных противоречий упирается, как в барьер, в устаревшие нормы, принципы и традиции, которые все больше перестают соответствовать реалиям XXI в. Начало этого века ознаменовалось новым этапом взаимоотношений между многими государствами – переходом к стратегическому партнерству и более тесному сотрудничеству в различных сферах – в промышленности, науке, охране окружающей среды и дру-

гих направлениях. Политическая стабильность, регулирование национальной деятельности на основании международного права, создание единых коммуникационных сетей, информационных и транспортных систем, сотрудничество при разработке полезных ископаемых на уровне транснациональных консорциумов создают благоприятные условия для устойчивого экономического и социального развития стран. В то же время возникли новые угрозы современному миру: международный терроризм и продолжающиеся локальные войны. ...

Вот почему мы ставим здесь вопрос о всеохватывающих контурах объединения мира, затрагивающие все области бытия человека по горизонтали и вертикали – военные и политические союзы, макро и микроэкономику, многоуровневую культуру, межконфессиональные связи, социальную и индивидуальную психологию человека, его настроения и ожидания. Фактически мы говорим о беспрецедентной задаче планетарного масштаба.

Понятие «глобализация» заслуживает в этой связи особого внимания, поскольку в самом этом явлении нередко видят угрозу национальным интересам, прежде всего, в области экономики, политики, культуры, языка. Очевидная слабость и даже слепота подобного подхода состоит в том, что в нем преобладают субъективные оценки и политически ангажированные суждения. Как следствие, без должного внимания остается то обстоятельство, что глобализация не чья-то выдумка, а исторически обусловленная реальность, в которой многогранно отражаются естественная природа человека и общие закономерности его эволюции. Будучи, по сути, объективно-историческим процессом, глобализация выступает как универсализация связей и отношений, как этап становления в масштабах планеты единых структур в различных сферах общественной жизни, как движение к целостному миру.

Все ускоряющееся развитие глобальных процессов, по меньшей мере, со времен Великих географических открытий, привело к тому, что во второй половине XIX в. глобализация становится фундаментальной. Отличительной особенностью этого этапа явилось то, что мир, сформировавшийся к этому времени в единое целое географически, стал, по сути, таким же целостным, единым и по экономическим, и по политическим параметрам. Экономические, финансовые и торговые связи опутали всю планету, практически не оставив отдельным странам и народам альтернативы вовлечению их в единое мировое хозяйство. Пробразам современных транснациональных корпораций (ТНК), которые реально замкнули мир экономически, стали международные торговые и колониальные организации, возникшие еще в начале XVII в. На рубеже XIX и XX вв. практически закончился экономический раздел мира, в результате чего возникли серьезные международные напряжения принципиально нового характера, вытекавшие из все возрастающей взаимозависимости различных стран и народов. С этого времени все больше стала обнаруживать себя глобализация политическая, окончательно замкнувшая мир по этому параметру в период между началом Первой и окончанием Второй мировых войн, когда в непосредственные связи и отношения вступили по существу все страны мира и проживающие в них многочисленные народы.

Интернационализация общественной жизни во второй половине XIX в. охватила не только экономику, политику, общественную жизнь, но и духовную сферу – культуру, науку, философию, религию, что выразилось в появлении и быстром росте всевозможных международных организаций, форумов, съездов, конгрессов, конференций, чему способствовало также бурное развитие транспорта и средств связи, в частности почты, газет, информационных агентств и т. п. И все-таки главной ареной международных отношений к началу XX в. оставалась экономика, так как последние из сохранявших независимость территорий были окончательно поделены между основными колониальными державами. В экономическом отношении весь мир стал ареной острой борьбы и дележа сфер влияния между наиболее сильными государствами и крупными монополиями. В итоге вовлечение многочисленных народов мира, в прямой или косвенной форме, в военный конфликт в начале XX в. стало результатом объективного хода событий, когда экономическая и политическая зависимость, сложившаяся к тому

времени на глобальном уровне, уже не оставляла практически ни одному достаточно крупному государству планеты возможности уклониться от войны или, во всяком случае, от ее влияния и последствий. Таким образом, Первая мировая война, разразившаяся в 1914 г., вслед за географической и экономической глобализацией, добавила к ним еще и сферу политики. Это означало, что с данного момента история переставала быть уже только историей Европы, или, например, отдельно историей Китая, России, Америки и прочих краев, она стала также и историей человечества в целом – действительно всемирной историей. Война шла за раздел мира и передел колоний, сфер влияния финансового капитала, поэтому вполне закономерно, что, начавшись в Европе, она очень быстро вышла за рамки этого континента и охватила практически весь мир, став первым в истории человечества военным конфликтом глобального масштаба.

Окончание в 1918 г. Первой мировой войны ознаменовалось новой расстановкой сил на международной арене и имело такие результаты, которые завязали послевоенные отношения, интересы и противоречия различных государств в еще более тугий узел, окончательно сделав весь мир в полном смысле этого слова глобальным сообществом по всем основным параметрам. Так, в экономическом и политическом отношении Европа перестала быть единственной решающей силой, на мировую арену в качестве великой державы вышли теперь и США, вступившие в войну в 1917 г., и значительно укрепившая свои позиции на Дальнем Востоке Япония. При этом прежняя военно-политическая структура с центром в Европе распалась вместе с развалом сразу четырех участвовавших в войне империй: Австро-Венгерской, Германской, Османской и Российской. А свершившаяся в России в 1917 г. Октябрьская революция, успеху которой способствовала непопулярная война и серия поражений, изначально позиционировала себя как пролог «мировой пролетарской революции», целью которой объявлялось достижение экономического и политического единства мира на базе уничтожения частной собственности. Революция в России в значительной степени предопределила ход дальнейших мировых событий и оказала влияние на усиление антиколониальной борьбы, которая, начавшись в Индии с политики ненасильственного сопротивления Махатмы Ганди, стала одной из отличительных черт всего XX столетия. Еще одним итогом Первой мировой войны, имевшим глобальное значение, стало подписание в 1919–1920 гг. 44 государствами комплекса договоров и соглашений, оформивших создание так называемой Версальской системы, важнейшей частью которой стало учреждение в 1919 г. *Лиги наций*.

Вторая мировая война, хотя и началась формально 1 сентября 1939 г., фактически подготавливалась с середины 30-х гг., а возможно и раньше, когда стали набирать обороты военные приготовления, когда случались отдельные военные столкновения, послужившие прологом грядущей всеохватной войны. К началу 1943 г. масштабы войны окончательно приняли глобальный характер, что нашло отражение в подписанном тогда немецко-японском договоре об экономическом сотрудничестве, в котором ставилась цель «пустить в ход весь потенциал экономического пространства Европы и Восточной Азии для тотальной войны». 6 июня 1944 г. высадкой американских и английских войск на севере Франции, в Нормандии, был открыт второй фронт. Эскалация военных действий шла по нарастающей, втянув, в конечном счете, в активные действия 72 страны, где было мобилизовано около 110 млн. человек, что практически не оставило на планете территорий, которые в той или иной степени не оказались бы причастными к этому глобальному военному конфликту. 8 мая 1945 г. был подписан Акт о военной капитуляции Германии, а 2 сентября 1945 г., с подписанием Акта о капитуляции Японией, Вторая мировая война, самая масштабная и продолжительная в истории человечества, когда три четверти населения Земли оказалось вовлеченным во всемирный военный конфликт, закончилась. Ее жертвы во много раз превзошли потери в Первой мировой войне и только погибшими составили около 60 млн. человек. Такие последствия вполне объяснимы не только большими масштабами военных действий и количеством вовлеченных непосредственно в бое-

вые действия стран и народов, но и качественным скачком научно-технического прогресса, вступившего к началу войны в стадию научно-технической революции. Так, если в Первой мировой войне еще только шла апробация первых образцов танков и самолетов, то во Второй мировой войне эти виды вооружений получили фундаментальное развитие и уже составили основу специальных родов войск.

Если сравнивать Первую и Вторую мировые войны с точки зрения процессов глобализации мировых отношений, а также всех сфер общественной жизни, то обе они по существу были разными фазами (этапами) одной и той же *глобальной войны*. Принципиальная разница между ними заключалась фактически лишь в количественных параметрах, если не принимать во внимание применение в конце Второй ядерного оружия, которое не имело особого значения с точки зрения окончательных итогов и общей характеристики этой беспрецедентной битвы народов. Как и Первая, Вторая мировая война имела ряд фундаментальных последствий, ставших отличительной чертой послевоенного мирового порядка. Важнейшим из них стало то, что война стимулировала исследовательские и практические работы по созданию принципиально нового вида оружия (атомного и реактивного), первые образцы которого прошли боевые испытания и открыли человечеству неограниченные возможности для тотального разрушения и уничтожения всего живого. Именно эти достижения научно-технического прогресса во многом предопределили специфику и характер развернувшейся затем в период «холодной войны» гонки вооружений и в полной мере наглядно показали хрупкость и пространственную замкнутость нашей планеты.

Еще одним итогом Второй мировой войны можно считать беспрецедентный рост всевозможных международных организаций, среди которых, несомненно, выделяется Организация Объединенных Наций (ООН). В послевоенный период берут начало и процессы европейской интеграции, а точкой их отсчета можно считать тот момент, когда британский премьер Уинстон Черчилль призвал в 1946 г. к созданию Соединенных Штатов Европы. Интеграция в Европе получила дополнительный импульс в 1958 г., когда были созданы Европейское экономическое сообщество (ЕЭС) и Европейское сообщество по атомной энергии, нацеленные на создание таможенного союза и ломку внутренних торговых барьеров внутри Сообщества, а также развитие ядерной энергетики в мирных целях.

Еще одним важнейшим актом и в то же время первым опытом глобального сотрудничества в сфере правового регулирования международных отношений стал Нюрнбергский судебный процесс над группой главных военных преступников и основными нацистскими организациями. Этот процесс был осуществлен первым в истории Международным военным трибуналом, созданным 8 августа 1945 г. странами-победительницами (СССР, США, Великобританией, Францией) и стал важнейшим шагом на пути формирования современной международной судебной системы. Именно в этот период в массовом масштабе распространяются идеи либерализма и демократии, появляется серия серьезных исследований и теоретических работ, направленных на переосмысление основ общественного бытия, моральных устоев общества и основополагающих принципов социального развития.

Со второй половины XX в. все больше нарастает процесс тотального вовлечения всех сфер материальной и духовной жизни различных стран и народов в формирование единой системы, находящейся в неразрывном взаимодействии с *биосферой*. Наряду с историческими формами общественного сознания – мифом, религией, философией, наукой – возникает в качестве еще одной формы *глобальное сознание* (своеобразное чувство планеты).

Многоаспектная глобализация существенно трансформировала глобальный рынок, способствуя тому, что мировое хозяйство постепенно становится сильнее и значимее национальных хозяйств, обнаруживая свои специфические свойства и характеристики, важнейшими из которых стали:

- появление эффекта резонанса, когда экономические подъемы или спады переносятся из одной страны в тесно с ней связанные другие страны и регионы;
- создание мировых рынков тех товаров и услуг, которые имеют особое значение для функционирования всех без исключения стран современного мира (рынок нефти и газа, рынок авиаперевозок, рынок зерновых, рынок информационных и туристических услуг и т. п.);
- формирование мировых цен на указанные товары и услуги, во многом определяющие политику их национальных производителей;
- развитие мирового рынка ссудного капитала, где определяется не только его международная цена, но и предпочтительные направления его потоков. Деньги теперь все больше начинают производить сами себя, порождая не только все увеличивающееся социальное неравенство, но и социальную напряженность. В последние годы резко возросло перетекание капиталов из одних стран и регионов в другие, появляются все новые схемы ухода от налогов, совершаются масштабные валютные спекуляции и т. п.

Глобализм и традиции

Наряду с интернационализацией экономики и унификацией роли денег отличительной чертой многоаспектной глобализации и закономерным ее порождением стало формирование массового общества и соответствующей ему массовой культуры. То, что в условиях глобализации достаточно жесткие и вполне определенные границы национальных и этнических культур размываются, а их «закрытость», обеспечивающая им этнокультурное разнообразие, становится относительной, не является каким-то необычным или случайным явлением. В контексте глобализационных процессов массовая культура выступает как прообраз транснациональной, мировой, общечеловеческой культуры, и нередко истолковывается как культура, противопоставляемая этническим ценностям и этнокультурной самобытности, что односторонне отражает новую реальность и лишь отчасти соответствует действительности. Глобализация, с необходимостью ведущая к универсализации всех сфер общественной жизни, в том числе духовных ценностей и мировоззренческих ориентиров, вовсе не исключает сохранение традиций, самобытности и культурного разнообразия в жизни отдельных стран и народов, которые, конечно же, не без конфликтов и противоречий вынуждены трансформироваться и изменяться под давлением внешних факторов мирового развития. Однако указанные процессы не носят тотальный характер и не предполагают подмены частного общим, а лишь отражают новое состояние современного мира, где часть и целое развиваются в сложном взаимодействии.

Омассовление общества и культуры стало повсеместным явлением, охватившим все сферы общественной жизни, включая даже науку и образование. Так, в последние десятилетия отмечается резкое увеличение количества научной печатной продукции, чему способствует не только процесс реального приращения нового знания, но и появление все более совершенных способов и новых возможностей тиражирования, комбинирования, компилирования, заимствования уже готовых результатов. Все это вызывает определенный синдром «информационного пресса», ведет к «подавленности» информацией, «растерянности» перед все увеличивающимся информационным потоком, справиться с которым становится все труднее. Аналогичная картина раскручивания инфляционной спирали отмечается не только в науке, но и в сфере образования, где быстрыми темпами растет количество средних специальных и, в особенности, высших учебных заведений: колледжей, университетов, институтов, академий, вступающих в острую борьбу за абитуриентов. Этот, относящийся к науке и системе высшего образования, «эффект матрешки» имеет место также практически во всех гуманитарных сферах: от прикладного творчества, дизайна и вааяния до литературы, эстрады и театра, где образцы высокой культуры под натиском шлягеров, попсы и других форм «духовного ширпотреба» все больше выходят в тираж, растворяются в массе второстепенных малосодержательных вещей,

порождаемых унификацией экономики, образа жизни и мышления. Данное явление, конечно же, имеет негативный аспект, но важно подчеркнуть и то, что в условиях глобализации культура объективно не может оставаться только локальной, замкнутой в национальных рамках, и не трансформироваться под влиянием мировых тенденций, не унифицироваться по общечеловеческим основаниям. Будучи всегда самобытной и неповторимой в своих локальных проявлениях, культура под влиянием процессов глобализации уже не может не быть в то же время и массовой, что не поддается однозначной оценке в категориях «хорошо» или «плохо», ибо в одних отношениях массовая культура выступает как негативное явление, в других как позитивное.

В условиях глобализации, когда пространственно-временные параметры общения, благодаря современным средствам транспорта и связи, практически перестали иметь принципиальное значение, последним серьезным препятствием к деловому, политическому, научному и бытовому общению различных народов остался язык. Объективная потребность в таком языке была всегда, но наиболее остро она стала ощущаться во второй половине XX в., когда резко возросли объемы мировой торговли и перемещения капиталов, расширились до глобального уровня политические отношения, научные и культурные связи, спортивные состязания, появились международные общественные организации, вырос туризм.

Важно подчеркнуть, что проблема единого языка общения не решается путем голосования, совместной договоренности или волевым усилием. Объективные обстоятельства сами «подсказывают», а в случае несогласия жестко диктуют свой выбор, в нынешней ситуации – в пользу английского языка. Общепринятый язык как средство общения в современном мире все больше становится не прихотью, но велением времени и необходимым условием формирования глобальной цивилизации. Наиболее наглядно это представлено в Интернете, где английский почти автоматически занял позицию основного языка коммуникации.

После того, как в 1990-е гг. возникла и быстро стала разрастаться Всемирная паутина – компьютерная сеть *Интернет* — мир окончательно замкнулся информационно. Информационная революция и развитие самой сети породили новое направление в науке – *виртуальистику*, которая в совокупности с возможностями Интернета позволяет значительно расширить творческий потенциал человека, создавая ничем не ограниченные возможности путешествия в виртуальных мирах и построения такой картины мира, на которую способна любая фантазия, ограниченная разве только что способностями индивидуального воображения.

Многоаспектная глобализация существенно трансформировала и политику. Так, если до начала 90-х гг. XX в. главной характеристикой международных отношений была биполярность, которая характеризовалась жестким противостоянием двух военно-политических блоков, находившихся в состоянии «холодной войны», где обе стороны вели напряженную и изнурительную борьбу друг с другом, балансируя на грани военного столкновения, то с распадом социалистической системы ситуация изменилась кардинальным образом. Эволюция международных отношений подверглась значительному влиянию двух развернувшихся взаимосвязанных процессов – восстановления единства мирового рынка на основе капиталистических отношений и интенсивного развития процесса глобализации. В результате существенно возросла взаимозависимость стран и народов, а число проблем общемирового, глобального характера, требующих для своего решения беспрецедентного наращивания международного сотрудничества, резко увеличилось. И хотя сегодня главными действующими субъектами на международной арене все еще продолжают оставаться национальные государства, они, тем не менее, уже не играют исключительной роли на этом поприще, так как в последние десятилетия сформировались и стали играть все более заметную роль межгосударственные структуры, ярким примером чего является объединенная Европа. В последние годы значительно возросла активность и влияние новых, так называемых нетрадиционных субъектов международных отношений, которые по своей численности, финансовым возможностям и политическому влиянию

вполне могут быть сопоставимы с отдельными государствами, а то и превосходить их. Важнейшими из таких субъектов являются: межправительственные организации (ООН, ВТО, НАТО, МВФ, ОБСЕ, ОПЕК), крупнейшие транснациональные корпорации, международные неправительственные организации. Широкую известность получили также общественные движения, такие как «Гринпис», «зеленые», антиглобалисты, альтерглобалисты и др. Важнейшим средством воздействия на международную политику является ООН, решения и санкции которой, хотя и вызывают нередко серьезные дискуссии, тем не менее, являются наиболее действенным инструментом в регулировании международных отношений. Фундаментом же этих отношений выступает международное право, которое по мере усиления процессов глобализации приобретает все большее значение.

Наряду с серьезными структурными переменами в области культуры, международных отношений и международного права многоаспектная глобализация вызвала к жизни также и острую потребность в серьезных изменениях морали, норм поведения, ценностных ориентаций и установок. Возникло принципиально новое явление – *мировое общественное мнение*, и все больше жителей планеты стали ощущать себя гражданами мира, хотя явление это отнюдь не ново. Космополитические взгляды и идеи мирового гражданства, зародившиеся еще в Древней Греции, в последние десятилетия получили новый резонанс и дополнительный импульс к более широкому распространению, так как многоаспектная глобализация формирует гражданина мира, чья лояльность обращена уже не к отдельным правительствам, а к структурам надгосударственного характера. Новая реальность требует и нового языка для ее выражения, что предполагает серьезную трансформацию мировоззренческих позиций, ценностных установок, т. е. приведение в соответствие с глобальными изменениями прежних норм морали, этики, права, а следовательно, и появление другой терминологии, в которой нашло бы отражение переосмысление уже сложившихся представлений. Итак, необходимость в глобальной этике основывается на том, что рассмотрение процессов глобализации и перспектив развития человечества вне связи с нравственными нормами и морально-этическими предписаниями, не может быть плодотворным. Перешагнув рубеж нового тысячелетия, мировое сообщество вступило в принципиально новую фазу своего исторического развития, которое характеризуется переходом от раздробленности, разобщенности и фрагментарности мировых социально-политических, экономических и духовных связей к их единству, целостности, общности, глобальности.

Есть передовая область, где отдельные реальные элементы глобализации уже отчетливо просматриваются. Прежде всего, это мировая торговля и международные финансы. Ликвидацию сохраняющихся границ и барьеров в этой области некоторые экономисты и политики готовы назвать подлинной современной глобализацией. На самом деле это узкое понимание глобализации, граничащее с серьезным заблуждением. Передовой отряд, как бы его действия ни были заметны, невозможно сравнить с продвижением всей армии. Более того, масштабные финансовые спекуляции, превратившиеся в своеобразную моду, неизбежно выступают неприятным катализатором мировых экономических кризисов уже наступившего века. Еще со времен превращения денег в товар широкое распространение получили различные спекулятивные сделки с деньгами, которые сегодня стали чуть ли не господствующей формой предпринимательской деятельности. Финансовый мир все больше отрывается от реальной экономики, все в большей степени развиваются финансовые операции с использованием Интернета и других электронных связей, финансовая сфера в значительной степени уходит из-под контроля государственных и международных институтов власти. МВФ, МБРР, ВТО и другие организации не в состоянии противостоять стихии спекулятивных сделок и протекционизму. Сумма виртуальных денег, или вторичных долговых обязательств (деривативов), обращающихся на фондовых биржах, которые Джордж Сорос образно назвал «токсичными», возросла в предкризисном, 2006 г. до фантастической величины – 473 трлн. долларов США, превысив объем

мирового ВВП в 10 раз! Спекулянты получали огромные прибыли, пока цены на наиболее рискованные бумаги вроде ипотечных облигаций росли. Ненадежные схемы оказывались самыми доходными. К середине 2008 г. в управлении спекулятивных хедж-фондов находилось около 2,5 трлн. долларов. С началом кризиса сотни их лопнули, так же как рухнули и некоторые мошеннические финансовые пирамиды.

Управляющий директор Всемирного экономического форума Роберт Гринхилл уверен, что в XXI в. уже не могут быть действенными системы управления мировой экономикой, которые достались в наследство от XX в. В основе глобального финансового кризиса лежат долгосрочные структурные недостатки мировой экономики. Макроэкономические дисбалансы, налогово-бюджетные кризисы в странах с развитой экономикой, огромные необеспеченные социальные обязательства и слабые финансовые рынки образуют сложную совокупность факторов экономического риска. Мировые экономические кризисы возникают в результате конфликта финансовых спекуляций с реальным производством. Развиваются разнообразные формы фиктивного капитала: ценные бумаги, акции, облигации предприятий и государственных займов, закладные листы ипотечных банков, ваучеры, фьючерсы, опционы и др. Глобализация финансовых рынков, реально начавшаяся где-то в 1980-х гг., позволила капиталам, как подчеркивает упомянутый выше Д. Сорос, свободно перемещаться по миру, затрудняя их налогообложение и регулирование.

В этой связи имеет смысл вспомнить о корпорациях, переросших национальные границы. Такие объединения (ТНК) обладают несомненными преимуществами для развития глобальной экономики и обеспечивают ныне более половины мирового промышленного производства. Корпорации глобального масштаба возникли в 80-е гг. и продолжают набирать силу. Они представляют всю мощь современного мирового финансового капитала. В наибольшей степени к глобализации тяготеют химическая, электротехническая, электронная, нефтяная, автомобильная, информационная, банковская и некоторые другие отрасли.

ТНК – это не только производственные компании, но и транснациональные банки, телекоммуникационные компании, страховые компании, аудиторские компании, инвестиционные и пенсионные фонды. Они имеют очень весомую роль в мировых научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработках. В условиях глобализации экономики особое значение приобретают процессы транснационализации в рамках стратегических альянсов. Международный стратегический альянс представляет собой соглашение по сотрудничеству, которое предусматривает использование ресурсов и структур управления самостоятельных организаций, расположенных в разных странах.

Транснациональная деятельность приводит к противоречивым последствиям. С одной стороны, она ускоряет развитие экономики, способствует распространению инновационных технологий и передового опыта организации производства. С другой стороны, необходимо учитывать и отрицательные последствия воздействия этих процессов:

- ТНК могут навязывать свои правила в системе всемирного разделения труда;
- возможен захват иностранными фирмами наиболее развитых сегментов промышленного производства и научно-исследовательских структур принимающей страны;
- ТНК способны обойти национальные законодательства по налогообложению, в результате чего в государственный и местные бюджеты принимающей страны поступают незначительные доходы. Используя трансфертные цены, дочерние компании ТНК, действующие в различных странах, умело укрывают доходы от налогообложения путем перекачивания их из одной страны в другую;
- ТНК способны устанавливать монопольно высокие цены, диктовать условия, ущемляющие интересы принимающих стран;
- деятельность ТНК иногда характеризуется хищнической эксплуатацией природных и трудовых ресурсов принимающей страны и нарушениями экологических требований.

Несмотря на неоднозначные последствия, транснациональная деятельность является одним из важнейших путей повышения конкурентоспособности национальных экономик. Таким образом, процессы интернационализации и глобализации мировой экономики как определяющие тенденции ее развития, начиная со второй половины XX в., активизировали рост и значение экономического фактора развития, способного не только оказывать влияние на мировую экономическую ситуацию, но и контролировать ее.

Однако не все так просто. Мировой экономический кризис 2008–2009 гг., который иногда именуют «Великой рецессией», начался в виде серьезного ухудшения финансово-экономических показателей в большей части развитых стран, после чего последовал глобальный спад мировой экономики, отразившийся в той или иной степени на всех без исключения странах мира. Началом столь значительного дисбаланса мировой экономики принято считать коллапс ипотечного рынка США в 2007 г. Очень быстро недуг потянул вниз котировки фондовых рынков, обвал которых в совокупности с кризисом ликвидности парализовал мировую финансовую систему. Последствия этих событий ощущаются в мире до сих пор, какие-то страны пострадали больше, какие-то меньше, но в целом прошла перезагрузка глобальной экономики вследствие ее очистки от слабых звеньев. Обвал фондового рынка привел к миллиардным убыткам огромного числа инвесторов, цены на сырьевые товары сильно сократились, это дало негативный эффект для компаний сырьевого сектора – нефтегазовых, металлургических, пищевых, текстильных и прочих. В итоге кризис послужил началом рецессии в Еврорегии, финансовые проблемы которой не решены и по сию пору. Таким образом, и в «передовом отряде» глобализации дела обстоят не лучшим образом.

Вот почему мы ставим здесь вопрос о всеохватывающих контурах объединения мира, затрагивающие все области бытия человека по горизонтали и вертикали – военные и политические союзы, макро и микроэкономику, многоуровневую культуру, межконфессиональные связи, социальную и индивидуальную психологию человека, его настроения и ожидания. Фактически мы говорим о беспримерной задаче планетарного масштаба.

Необходим небывалый в истории скачок. Вот почему следует достаточно жестко и прямо ставить вопрос о назревшей необходимости беспрецедентных сверхусилий. Вот почему важно достучаться до сознания лиц, принимающих решения на региональном и мировом уровне, лиц, влияющих на настроение и сознание миллионов людей. Речь идет о главах государств и руководителях министерств, о спикерах и членах парламентов, о духовных и религиозных лидерах мирового масштаба, о лидерах крупных партий и движений, о президентах больших международных организаций, о руководителях транснациональных корпораций и крупнейших фирм. Несмотря на противоречия, разрывающие потенциальное единство перечисленной планетарной элиты, все эти люди обязаны двигаться к взаимопониманию, здравому и плодотворному диалогу, в идеале – к единому союзу. А можно сказать и так: они обречены двигаться к этому союзу. Мы живем ныне в хрупком стеклянном доме, и подобное движение выступает как историческая необходимость, направленная на сохранение жизни и цивилизации. Культурная элита и так называемые властители дум обязаны примкнуть к этому трудно складывающемуся единству и способствовать его успешному продвижению. Иного современному человечеству, если оно не хочет погибнуть, не дано.

Подчеркнем еще раз: объективные процессы глобализации и сознательные усилия людей по построению единой человеческой семьи должны быть позитивно согласованы, более того, они обязаны быть в гармонии с природным окружением. Некогда об этом чуть другими словами хорошо сказал Владимир Вернадский: «Идеалы нашей демократии идут в унисон со стихийным геологическим процессом, с законами природы...» Вернадский сделал это замечательное заключение, оглядывая историческую толщу в тысячи и даже сотни тысяч лет. Только надо иметь в виду, что некоторые нынешние геологические процессы (во многом, из-за вмешательства людей) идут куда более стремительными темпами, нежели прежде. Однако сила

и философская глубина мысли Вернадского состоит в том, что он недвусмысленно связал в единое целое историю планеты и историю людей. Развивая в 20–40-е гг. прошлого столетия (в ментальном союзе с Пьером Тейяром де Шарденом и Эдуардом Леруа) перспективную философско-мировоззренческую концепцию ноосферы (то есть идею о разумном управлении оболочками планеты), Вернадский убедительно показал, что в качестве реальной «геологической силы» человек сможет выжить, если только возьмет на себя ответственность за сбалансированное и устойчивое развитие жизни на Земле. Прошедшее с тех пор время лишь добавило аргументов в пользу этой идеи, а современные итоги и тенденции общественного развития и вовсе поставили ее в число первостепенных задач человечества, сделав концепцию ноосферы (в указанном ее понимании) практически безальтернативной.

О научном направлении «Глобалистика»

Как междисциплинарное, интегративное знание и как особое научное направление глобалистика начала складываться с конца 60-х гг. XX столетия, когда впервые наиболее зримо обнаружилось опасные последствия загрязнения окружающей среды, беспрецедентные темпы роста численности народонаселения, очевидная исчерпаемость природных ресурсов, угроза самоуничтожения в ядерной войне и т. п. Все это, создавшее серьезную опасность не только поступательному общественному развитию, но и существованию всего человечества, оказалось в центре внимания сначала ученых, а затем и политиков, общественных деятелей, широкой общественности.

Сегодня глобалистику определяют как совокупность научных исследований, направленных на выявление сущности глобальных проблем и поиск путей их преодоления. В более широком смысле термином «глобалистика» обозначают междисциплинарную область научных, философских, культурологических, политических и т. п. исследований различных аспектов глобальных процессов и их как позитивных, так и негативных последствий, включая полученные результаты, а также практическую деятельность по реализации таких результатов в экономической, политической, социальной и иных сферах общества, как на уровне отдельных государств, так и в международном масштабе.

Осмыслению глобальных проблем, а именно они, как следствие глобализации, оказались в поле зрения на начальных этапах формирования глобалистики, в значительной степени способствовало появление в те годы значительного количества международных, государственных и частных организаций, которые сосредоточили свои усилия на исследованиях мировых проблем и противоречий. Широкую известность тогда получили: созданный в Вене в 1965 г. Институт проблем будущего; основанный тогда же в Нидерландах Международный фонд «Человечество в 2000 г.» и др. В 1966 г. в Вашингтоне появилось «Общество по изучению будущего мира». Подобных организаций со временем становилось все больше. Однако еще больший, поистине всемирный интерес к глобальной проблематике проявился после первых докладов Римскому клубу. Так, уже первый доклад «Пределы роста» (1972 г.) вызвал шок в широком общественном сознании, поскольку не только наглядно показал реальные опасности для мирового сообщества, но и обратил внимание на предельно короткие сроки надвигающейся катастрофы при сохранении прежнего пути социально-экономического развития. Затем появились следующие доклады: «Человечество на перепутье» (1974 г.), «Пересмотр международного порядка» (1974 г.), «За пределами века расточительства» (1976 г.) и др., которые вывели глобальную проблематику на передний край научных исследований. С тех пор новая терминология, включающая такие понятия, как «глобальные проблемы», «мировое сообщество», «глобальный мир», «единое человечество», и т. п. получили широкое распространение, заняв видное место в научном и политическом лексиконе практически всех стран и народов и прочно закрепились в широком общественном сознании.

Следует заметить, однако, что некоторые тенденции происходящих в мире перемен оказались в центре внимания ученых и философов несколько раньше, чем эти изменения стали очевидными для всех. Помимо Вернадского, Тейяра, Леруа можно вспомнить английского историка Арнольда Тойнби, рассматривавшего общественное развитие как последовательную смену различных цивилизаций, еще до компьютерной революции утверждавшего, что «в XX веке началась всеобщая всемирная история» и что кардинальные перемены затронули не только основы общественного устройства, но и основные тенденции мировых социальных процессов. Можно вспомнить и русского философа Даниила Андреева, глубоко взглянувшего на процессы объединения мира и в то же время предупреждавшего о мистическом страхе людских масс перед этим грядущим объединением.

К извечным философским проблемам бытия, сознания, смысла жизни и другим, постоянно обсуждаемым в философии вопросам, современная эпоха добавила, таким образом, принципиально новую, никогда не существовавшую ранее тему – единой судьбы человечества и сохранения жизни на Земле.

Современная глобалистика представлена многообразием школ, направлений, различных объединений и творческих групп ученых, что значительно затрудняет установление четких границ соответствующей сферы научных исследований, так как они нередко сливаются с другими областями научных поисков: футурологией, культурологией, философией. Глобалистика, как и другие сферы научного знания, затрагивающие общественные процессы, нередко оказывается тесно связанной с политикой, идеологией. Важно и то, что принципиальное преодоление глобальных проблем требует не только теоретических исследований, но и результативных практических действий. Таким образом, глобальные процессы, объективно выполняют интегрирующую роль, заставляют многих ученых по-новому посмотреть на современный мир и осознать свою сопричастность единой судьбе человечества.

Благодаря глобалистике представления о глобальных процессах, глобализации и порождаемых ими проблемах за последние годы значительно расширились, стали глубже. Выявлены природа и генезис этих явлений, раскрыта глубокая взаимосвязь не только природных и общественных процессов, но самих глобальных проблем, их обусловленность социальными, экономическими, политическими, идеологическими и научно-техническими обстоятельствами. Значительные изменения претерпело и миропредставление людей, понимание ими того, что человек в значительно большей степени, чем то осознавалось раньше, зависит от природы, от окружающей его среды. Стало очевидным, что взаимозависимость в мире, а также воздействие друг на друга различных субъектов международных отношений, в частности, национальных государств неизменно возрастает, оказывая непосредственное влияние на международную ситуацию в целом.

Глобальные исследования со всей очевидностью показали, что только за последние десятилетия в результате стремительного роста научно-технических достижений в развитии производительных сил общества произошло больше изменений, чем на протяжении многих предшествующих столетий. При этом процесс изменений происходил с нарастающей быстротой и неизменно сопровождался все более глубокими и основательными преобразованиями в социально-экономической сфере. Важно и то, что техника, экономика, наземный и морской транспорт колоссально увеличили мобильность и преобразующие возможности человека. В таких же масштабах возросла мировая торговля и взаимозависимость мировой экономики, которые непосредственно связаны с демографическими процессами, принявшими в планетарном масштабе характер демографического взрыва, тогда как в отдельных регионах в силу особенностей их цивилизационного развития наблюдается депопуляция. В результате на Земле теперь не осталось не только неизведанных человеком мест, но практически нет уже и экологически чистых территорий, водного и воздушного пространства, естественное состояние которых не было бы прямо или косвенно подвержено влиянию человеческой деятельности. Все это дает

основание называть теперь нашу планету «общим домом», «мировой деревней», «островком во Вселенной» и т. п., а проблемы, которые стали общими для всех людей планеты, – глобальными.

Проблемы и понятия

Проблемы, порождаемые глобализацией или непосредственно связанные с нею, именуется *глобальными*, если они сохраняют свою актуальность относительно всего человечества. Важнейшие из них упоминались выше, а теперь станут предметом нашего внимания с целью выявления их сущности и влияния на реальную жизнь людей в контексте новейших тенденций мирового развития. Обратимся в этой связи также к важнейшим понятиям, которые наиболее адекватно отражают современные процессы глобального мира.

Войны

В минувшем веке случились две Мировые войны. Для большего понимания их исторического значения и для приближения к нашей теме можно ввести терминологическое добавление, не меняющее сути дела, но важное для нашего анализа, – обе эти войны можно назвать двумя фазами *одной войны* – первой глобальной войны в истории человечества. Иными словами, с точки зрения развития глобальных процессов, Вторую мировую войну можно и нужно воспринимать как продолжение Первой мировой войны. В годы, их разделившие, имело место жесткое противостояние на фоне отсутствия военных действий. Однако обе эти фазы активных военных действий по сути были направлены на решение одной и той же задачи – на передел мира силовым путем при одних и тех же основных участниках столкновения и использовании принципиально схожих вооружений, за исключением, появления в конце военных действий реактивной авиации, ракет и ядерного оружия.

Как известно, вторая фаза этой глобальной войны завершилась, двумя ядерными взрывами. Историческую роль этих трагических (особенно для двух японских городов) событий, как нам кажется, в полной мере историки еще не оценили. Жертвы и разрушения первой фазы глобальной войны заставили лидеров ведущих стран искать международные механизмы предотвращения подобных ужасов. В итоге была создана Лига наций, которая, однако, в силу объективных причин не оправдала возлагавшихся на нее надежд. До начала второй фазы глобальной войны оставалось всего лишь двадцать лет. Ее жертвы и разрушения были беспрецедентны. Попытка создать новую международную организацию (ООН), блокирующую возможность развязывания новой глобальной войны на этот раз оказалась более успешной. Тем не менее мир провел немало тревожных лет в ожидании еще новой войны на планете – на этот раз уже ядерной.

Разговоров о ее приближении было немало. Более того, было несколько опасных ситуаций, реально грозивших Армагеддоном. Но – обошлось. Прошло уже 70 лет, в течение которых случилось великое множество локальных и региональных войн, но ни одна из них, по счастью, не переросла в глобальную. Можно ли однозначно связывать это с наличием ядерного оружия? На сей счет сказано и написано немало, но существует ли детальный системно-исторический анализ, вскрывающий подлинные причины *глобального мира* на протяжении семи десятилетий? Продлится ли эта инерция сама собой и далее? Или потребует немалых усилий от руководителей наиболее крупных стран? Вместе с крахом Советского Союза почти пропал и популярный некогда термин «*борьба за мир*». Но исчезновение этого слогана (при всем понимании его тогдашней фальши) вовсе не означает, что сама борьба за мирное сосуществование человечества ушла в прошлое.

А ведь можно поставить вопрос и шире: нет ли глубинной связи между развитием оружия и процессами объединения человечества? В этом плане имеет смысл заново оценить хотя бы последние полтысячелетия, может быть, чуть больше – от момента изобретения пороха. Как соотносились этапы развития оружия и технологии войн с процессами расширения и падения государств и империй (разумеется, вкупе с социально-политическим, экономическим и этническим анализом)? Современные специалисты по оружию шестого или седьмого поколения достаточно ли ясно связывают технологические успехи оружейников со сложными мотивами глобализации? С достаточным ли вниманием мировая общественность на это смотрит? Умеем ли мы связывать достижения фундаментальных и прикладных наук с изобретательским зудом (если называть вещи своими именами) по созданию все более эффективного смертоносного оружия. Что греха таить, ведь многие политические и военные лидеры еще не освободились от воинственной риторики, связанной с накачкой военной мощи и технологическими прорывами в этой области. В явных и тайных лабораториях мира работа в этом направлении продолжается, а где-то и вовсе кипит (...). Но здесь нарастает очевидное противоречие. Ведь ныне можно постулировать одну, по крайней мере, очевидную истину относительно грядущих столетий – будущему объединенному и процветающему человечеству (воспримем это пока как идеальный образ, почти как *мечту*) явно не понадобится оружие массового уничтожения своих собратьев на планете (о будущем оружии внешне-космического значения, ярко и изобретательно показываемом в фантастических фильмах, мы, по понятным причинам, говорить не будем).

Рядом с этим стоит далеко еще не проясненный вопрос об исторических уроках развития и падения империй. Ведь последние большие империи развалились совсем недавно, почти на наших глазах – в начале и середине XX в. А если империей называть СССР (что логически вполне допустимо), то речь пойдет о конце XX в., то есть об очень недавних событиях. Как бы там ни было, но историческая энергия империй, определенные их достижения (особенно в части распространения на обширные пространства культуры, науки и объединяющего языка метрополий) далеко еще не исчезли, они очень ощутимы и в наше время. Мы, жители начала XXI столетия, вправе называть себя *детьми империй*. Их дух во многом еще движет нами, осознанно и неосознанно. Более того, найдутся такие историки, которые будут утверждать, что не все империи развалились, к тому же на смену многим исчезнувшим империям пришли *империи нового качества и стиля*, объединяющие большие пространства не только военной силой, но и с помощью так называемой «мягкой силы»: посредством экономических, идеологических и религиозных скреп.

В этом смысле нового критического анализа заслуживает широко распространенный и как будто не теряющий актуальности термин *империализм*, давно уже, казалось бы, разоблаченный и отринутый. Но нет, его широко используют в политической риторике и публицистике. Вот почему это явление нужно продолжать изучать, но уже по-новому, с детальным учетом финансово-экономических, этно-конфессиональных, этических, культурных и экологических характеристик. Важно подчеркнуть следующее: традиции, несущие явный имперский оттенок, не вправе считаться сугубо отрицательным явлением, поскольку некоторые из них несут в себе в скрытом виде семена будущей глобализации. При этом, разумеется, не следует забывать, что «каинов дух» империи (как эгоистически выстроенного града земного) осуждал в свое время еще Блаженный Августин.

Геополитика

Прежнюю геополитику – с ее упором на динамику государств, на их пространственное расширение и их военную экспансию, на «дыхание» их границ, на «гидравлику» сил на суше и на морях – нередко определяли уже в конце XX столетия как науку устаревшую (хотя ей нет и полутора сотен лет). Однако стремительные темпы глобализации способны пробудить гео-

политику из ее забвения, иницируя в этой области совершенно новые подходы. *Если старая геополитика ориентировалась по большей части на экстенсивные процессы и величины, то геополитика в эпоху глобальной взаимозависимости оказывается ориентированной на социо-природные процессы – локальные, региональные и глобальные – в их тесной взаимосвязи.*

В этом своем новом качестве геополитика, опираясь на ряд своих прежних наработок и закономерностей, попытается оценить динамику государственных образований в совершенно новых условиях. Ее главной задачей становится сосредоточение внимания на интенсивных общественных процессах. В этой связи она уже в обозримой перспективе очевидным образом соприкоснется с макроэкономикой и сопутствующими дисциплинами в деле изучения динамики мировых рынков, взаимодействия и конкуренции транснациональных корпораций, характеристик мировой финансовой системы и даже особенностей светской и конфессиональной культуры в различных регионах мира.

Антрополоитика

Под действительной геополитикой (в описанном выше смысле) можно понимать некую реальность взаимодействия и борьбы политических, военных и культурно-исторических сил, некое подвижное равновесие при столкновении интересов больших масс – государств, цивилизаций, континентов. Взаимодействие это происходит в двух измерениях: первое и основное – в географической горизонтали, буквально на землях и морях, второе – в некоем культурном пространстве, в условной духовной вертикали. Это разделение на самом деле весьма условно, однако оно неожиданно срабатывает, когда мы пытаемся оценивать и сравнивать яркость, влияние и значимость крупных исторических фигур. Фактически мы можем говорить здесь о двух человеческих лагерях, о двух множествах, граница между которыми хорошо ощущается, хотя и не является непроницаемой.

Горизонтальный фронт событий в истории уместно связать с такими лидерами, как Александр Великий, Траян, Атила, Чингисхан, Тамерлан, Сулейман Великолепный, Наполеон Бонапарт, Бисмарк, Сталин, Гитлер... Вертикаль духа призывает нас вспомнить совершенно других людей. И в этом смысле уже можно говорить об особом векторе в истории и культуре – об *антрополоитике*. Этот неологизм поможет нам задуматься о круге истинно человеческих проблем – о свободе и творческом развитии личности, о бережном отношении к историческим и культурным традициям, о межцерковных контактах, о демократии и открытом обществе, о свободной экономике и необходимости инноваций. Яркие исторические имена из этой сферы по-своему очевидны. Назовем некоторых – Конфуций, Сократ, Аристотель, Святой Августин, Ибн Сина, Данте, Галилей, Эразм, Рабле, Шекспир, Спиноза, Франклин, Адам Смит, Гете, Пушкин, Альберт Швейцер, папа Иоанн-Павел II...

Глубоко осмысленная и здраво проводимая антрополоитика призвана помочь нам грамотно подходить к таким трудным проблемам, как столкновение цивилизаций, военные и политические споры, как становление единой мировой культуры.

Геокультура

Существует определенная связь между понятием «массовая культура» и реальностью мировой культуры, складывающейся в ходе развития глобальных процессов, преодолевающей национальные и языковые границы и барьеры, формирующей новые культурные стандарты и принципы. Здесь многое предсказуемо, но неизбежны и неожиданности, к которым следует готовиться заранее. Планетарная культура – это не просто сложная и пестрая карта традиций и новаций, это еще и величайшее достижение долгой и нелегкой истории людей. Вот почему имеет смысл ввести рядом с понятием «*геополитика*» еще один новый научный термин

«геокультура», который более точно, чем термин «мировая культура» передает смысл трансформации культуры под влиянием глобализации. Вполне понятно, что в круг интересов геокультуры попадут важнейшие вопросы сохранения цветущего разнообразия в трудно, но неизбежно возникающем глобальном культурном единстве. В рамках нового единства безусловно продолжится культурная конкуренция (в аспекте образования и просвещения, в областях литературы и журналистики, живописи и музыки, театра и кино), включая борьбу наиболее распространенных национальных языков за высшие места в мировой таблице о рангах.

Глобальная экология

Начало нынешнему этапу рассуждений о конечности человечества (о конце истории в связи природными, биосферными факторами) было положено в 60–70-е гг. прошлого столетия, когда к обсуждению военных опасностей добавились зримо ощутимые глобально-экологические барьеры и тупики, впервые остро сформулированные и ярко описанные в трудах Римского клуба (доклад «Пределы роста» и последующие). Тогда же заявили о себе и по-новому обострившиеся проблемы антропологического характера: падение общей культуры, заметное нарастание иррациональных компонентов в общественной психологии, возрождение фундаменталистских религиозных доктрин и т. п. Но в первую очередь внимание ученых с тех пор направлено на биосферу планеты, на устойчивость различных биоценозов, поскольку процессы саморегуляции биосферы оказались под сильным антропогенным воздействием и, как следствие, биоразнообразие планеты стало необратимо уменьшаться. Достаточно припомнить, что за последние 40 лет число диких животных на планете сократилось вдвое, а ныне этот процесс идет с убыстрением. Количество людей за тот же период выросло более чем вдвое. (Кто кого вытесняет? – этот вопрос касается так называемой *войны человека с биосферой*).

Разумеется, нужно адекватно смотреть и на состояние прочих сред (литосфера, гидросфера, атмосфера), на расползание мегаполисов, на проблемы энергетики, на загрязнение воздушной среды и мирового океана. Не теряет остроты проблема глобального потепления на Земле, а такой, казалось бы, далекий от реальной жизни вопрос, как загрязнение ближнего космоса, создает угрозу безопасного использования околоземного пространства. Речь идет, в частности, о проблеме космического мусора: ныне на орбите более 17 тысяч спутников, из которых работает примерно тысяча, остальное – мусор.

Этносы, расы и нации, национализм

Говоря об этнических, расовых и культурных различиях землян, мы обязаны исповедовать все тот же принцип, что и в области мировой культуры: единство в многообразии и цветущее богатство в системной целостности. Расовым и националистическим теориям совсем немного лет, многие из них исходили из ложных, а порою из античеловеческих идей и положений. Вот почему здесь необходимы новые глубокие исследования, но твердо стоящие на принципах гуманизма и широко использующие новые технологии и новейшие достижения наук (истории, этнографии, генетики, археологии, этнологии) и системных методологий.

Религии, конфессии, «просвещенный атеизм»

Ныне, в начале XXI в., человечество в аспектах уровня и глубины религиозности заметно отличается от того, каким оно было, скажем, в середине прошлого столетия. Общая религиозность заметно возросла. После двух веков успешного наступления науки и светского просвещения для многих это явилось неожиданностью. На самом деле это вполне естественное следствие, связанное с большими историческими ритмами и вытекающее из общей природы

человека. Это можно выразить и такими словами: после господства рационального мышления (не столь уж долгого – примерно с середины XVIII в. по конец XX в.) наступила эпоха вполне ощутимого кризиса рационализма и нарастания интуитивного и глубинно-иррационального отношения человека к миру и к самому себе (что обычно называют чувством *веры*). Это объективные волны в области духа и духовности, и напрямую с успехами наук они не связаны. Более того, сейчас сама наука (в наиболее продвинутых областях – космологии, космической антропологии, генетике, теории вероятностей, квантовой физике) отваживается на поиски оснований мира и его эволюции за пределами традиционной материальности. В научных журналах и книгах последних лет вполне здраво и в традициях научного дискурса ставится вопрос о «разумном замысле мира», о «целях» эволюционного развития, о вероятностных основаниях самопроизвольного развития сложных систем. В этом смысле наука очевидным образом сближается с некоторыми направлениями «богословской диалектики». Одним из ярких примеров подобного сближения служит творчество уже упомянутого выше крупного антрополога и философа XX в., убежденного христианина и даже члена общества Иисуса Пьера Тейяра де Шардена. Не избегали религиозных мотивов при обсуждении устройства мира Иван Павлов, Альберт Эйнштейн, Мари Гелл-Манн и другие большие ученые. В наши дни серьезный интерес естествоиспытателей к глубинам религиозной проблематики продолжает нарастать.

Таким образом, подъем «новой религиозности» (по своим причинам в исламе, по своим в христианстве) не только не удивителен, он в достаточной мере предсказуем. В этом плане несколько по-новому надо смотреть на такое уже вполне знакомое явление, как свободное мышление образованных людей, не связанное с какими-либо церковными догмами. Понятно, что это не официозный, насаждавшийся в СССР, «научный атеизм», который, несмотря на пышное название, был собранием довольно примитивных агиток и своеобразных «коммунистических догм» (типа «воинствующего материализма»). Нет, речь идет о том, что высокообразованный человек может проявлять интерес к духовным запросам, способен придерживаться норм высокой нравственности и морали вне каких-либо церковных институтов, вне каких-либо религий и конфессий. Вполне уместно назвать это явление «высоким атеизмом». Отряд такого рода людей в науке и культуре впечатляюще велик, и он тоже нарастает. По известным причинам ныне публично объявлять себя атеистом «не модно», однако таких людей много, и мы отлично это понимаем. В современном обществе идут противоречивые процессы: вчерашние атеисты вовлекаются в лоно церкви, вчерашние «верующие» становятся откровенными вольнодумцами. В сущности, это нормальный процесс. Здесь важна мягкая и благоразумная политика церквей, представляющих основные мировые религии. Разумный и толерантный диалог различных церквей между собою, равно как их общий разговор с экуменистами и вольнодумцами («высокими атеистами») – неперемное условие здоровой в духовном отношении глобализации, без фанатизма, фундаментализма и крайностей.

Планетарный уровень, интернационализм, космополитизм

Объединение человечества в масштабе планеты невозможно без того, чтобы вдохнуть новый смысл и новое содержание в хорошо знакомые старые понятия, настолько хорошо, что они уже кажутся обветшалыми и даже замученными беззастенчивой пропагандой прошлого столетия – *интернационализм* и *космополитизм*.

Взаимодействие наций и народностей в огромном плавильном котле, каковым может оказаться глобальная цивилизация, – это гигантская многоуровневая проблема со множеством обратных связей. Постепенно и, вместе с тем, под влиянием глобализации будут все более неумолимо стираться границы, включая и территориальные. Вырастут миграционные потоки. Большие страны и нации еще смогут в той или иной степени удерживать свои ядра культурной и национальной самости. А вот малым нациям сделать это будет практически невозможно, что

поставит их под угрозу реального исчезновения, и это уже теперь делает весьма актуальной задачу – сбережения культурного и биологического генофонда.

Не приходится сомневаться, что новым смыслом будут наполняться выражения, которые сегодня звучат сколь пафосно, столь и беспредметно, – «гражданин планеты», «глобальное гражданское общество», «мировое общественное мнение». Впрочем, это проблемы если и не сегодняшнего дня, то и не столь уж отдаленной перспективы. Однако сегодня есть вопросы и поострее.

Методология

К глобализации и связанным с нею процессам следует подходить как к сверхсложному динамическому объекту – во всеоружии современной методологии, свободной от ограничений и догм предыдущих эпох.

В этой связи необходимо затронуть вопрос о принципиальной неполноте материализма, традиционно-стихийной основы естественных наук за последние столетия, – во всех его вариантах (стихийный, вульгарный, воинственный, экономический и даже диалектический). Сверхсложные задачи современности невозможно решать в этой традиционной парадигме. Разделение вещей и проблем на две категории – материальное и идеальное – в плане научной методологии бесперспективно. Как выразился в свое время Норберт Винер, обсуждая в своей «Кибернетике» бытийный статус мыслящих машин, *противопоставление материального идеальному* давно пора сдать на склад плохо сформулированных проблем.

Что касается материализма как философского понятия, то мало сказать, что это понятие сложилось в лоне европейской культуры. Есть еще один аспект, сколь неожиданный, столь и забавный. Этимологически понятие *материи* в пространстве латинского языка и выросшего на его основе языка европейской науки восходит к понятию *мать* (*mater*), философски расширенному до уровня природы как матери всего сущего. Таким образом, в понятие материи изначально проник биологический смысл.

Нет особого повода удивляться, что наивное очеловечивание природы привело древних мыслителей, многократно наблюдающих процесс рождения человека, к понятию матери-природы как исходного порождающего начала. В культурах, предшествующих Неолиту, у людей еще не было понимания причинной связи между рождением ребенка и соитием мужчины и женщины. Женщина рождает ребенка столь же естественно, как мать-природа рождает травы, деревья, мух, птиц и все остальное. Но постепенно простой жизненный опыт (особенно в период приручения животных) стал доказывать, что женщина не способна породить дитя без оплодотворяющего импульса. Возникла новая конструкция: самке для производства потомства необходим самец, природному же началу необходим импульс. В качестве такого импульса и стал выступать дух, поначалу воспринимаемый достаточно смутно и под разными именами.

Мыслители той поры постепенно научились понимать начало мира как взаимодействие духа с материей. Библейское непорочное зачатие с этой точки зрения многие тысячелетия спустя предстало совершенно естественным делом. Последующие века развивали и уточняли эту формулу, превращая ее в довольно изысканные учения. Разрыв случился лишь в последние столетия. В разгар Нового времени появилась плеяда философов-бунтарей, смертельно уязвленных на уровне подсознания чем-то вроде Эдипова комплекса. Они, горячо, почти интимно влюбленные в благодатную природу, отодвинули в сторону идею духа, более того, они начали воевать с понятием духа так, как мог бы сам Эдип сражаться со своим отцом – в схватке за обладание матерью. Не случайно философы-материалисты провозгласили вполне претенциозную программу *овладения природой* (материей) в аспекте полного господства над нею и с целью построения в рамках и пределах этой природы какого-то особого общества процветания и счастья. Какой-либо Дух или Бог воспринимался в этом смысле как нежелательный соперник и

конкурент. На самом деле это скорее выглядело как подсознательный образ «счастливого союза Эдипа с завоеванной им Иокастой». Ревность к некоей Высшей творческой силе, порождающей мир, могла достигать яростного накала. Это можно отчетливо увидеть у деиста-скептика Вольтера и в еще большей степени у французских материалистов-энциклопедистов XVIII столетия. Надо ли говорить, что подобная философия стала идеей-фикс для воинственных большевиков в России. Нужно ли объяснять их богоборчество, их необоримое стремление строить рай на земле – самыми варварскими методами, наконец, их бесподобную страсть к материи и материализму и необъяснимую ненависть ко всякого рода *идеалистам*. При этом возвеличивание материи (подсознательно – матери) у этих горе-материалистов не только отличалось иррациональным сдвигом, но и приняло отчетливо квази-религиозный характер, с мотивами поклонения и жертвоприношения (сколько блестящих, утонченно-глубоких мыслителей в коммунистической империи было брошено в тюрьмы и лагеря, сколько было убито). Не случайно философ Алексей Лосев (сам прошедший лагеря), глубоко понимавший иррационально-догматический характер официальной и грубо всем навязываемой философии большевиков, отозвался словами решительными и язвительными: «Материя – паршивый, чахлый, чахоточный бог». Надо ли добавлять, что Демокрит, Эпикур, Спиноза и многие прочие мудрецы были зачислены в отряд сугубых материалистов задним числом.

Все это можно было бы забыть, но современная наука (далеко не только у нас, но и в Европе, и в Америке), как ни странно, методологически и философски во многом живет еще старыми, близкими к стихийному материализму представлениями, неадекватными в пространстве новых задач и новых вызовов. Многие нынешние ученые, физики в особенности, широко употребляя понятие *материи* вовсе не связывают его с понятием *матери*. Этимологическая пуповина тут давно перерезана. И вместе с нею исчезает идея *порождения*. И когда она вдруг всплывает по другим (вроде бы косвенным) причинам, те же физики начинают удивляться: откуда взялась эволюция? Откуда взялся Большой взрыв?

Современный подход, как минимум, должен придерживаться следующего:

Для описания и понимания множества сложных и сверхсложных систем, процессов и проблем нам достаточно (по крайней мере, в первом приближении) использовать сравнительно простую методологическую схему из четырех восходящих и тесно взаимосвязанных элементов-уровней бытия. Таковыми традиционно являются *вещество – энергия – информация – дух*.

Эту последовательность, многократно отраженную основным массивом научных и философских трудов за последние столетия и даже тысячелетия, имеет смысл представить в виде пирамиды, где широким основанием, своеобразным фундаментом бытия будет являться **вещество** (нередко, как мы только что говорили, используется синоним – **материя**), почти целиком заполняющее известное нам пространство – от квантового вакуума и субатомных частиц до дальних галактик и темной материи.

Энергетический этаж сообщает этому фундаменту движение и динамику, **информационная** надстройка обеспечивает разнообразие, сложность, тонкие структуры и связи мира, а **духовная** вершина придает всему зданию *не только творческую активность*, но и высокий человеческий смысл.

При этом крайне важно понимать, что эта пирамида (условно – *материальная*) методологически может быть перевернута *с ног на голову*, что неоднократно имело место в философских построениях различных эпох, когда исходным фундаментом бытия выступал *дух* (*ум, сознание, идея*). Не менее важно отметить, что *пирамида перевернутая* (условно – *духовная*), неоднократно и жестоко раскритикованная материалистами, на самом деле почти никогда не теряла ни познавательной значимости, ни философской основательности. В этом втором случае началом и основой мира действительно выступает дух, который с помощью эманации формирует информационные и вещественно-энергетические структуры. Можно констатировать, что первая пирамида отвечает воззрениям классической науки последних трех-четырёх сто-

летий, в то время как пирамида перевернутая скорее соответствует представлениям древних (от Платона до Фомы Аквинского), как, впрочем, и многим мыслителям последующих столетий – Декарту, Гегелю, Гуссерлю, Флоренскому, Хайдеггеру... Но самым важным для нас обстоятельством ныне выступают те новые веяния, которые, словно возрождая древние традиции, все более отчетливо проявляются в передовой науке последних десятилетий, в серьезно наступающий на нас, если так можно выразиться, *пострациональный* и *постматериальный* период. Разумеется, дело не сводится к простому возврату к древним традициям идеализма в понимании мира и человека, тем более к торжеству иррационализма или примитивного духовидения. Отнюдь. Речь идет о самобытном, своеобразном и по-новому плодотворном синтезе старого и нового. Мы имеем все основания констатировать, что перед нынешними людьми достаточно стремительно разворачивается качественно новый этап познания мира, с необходимостью объединяющий старинные философские воззрения с самыми новейшими тенденциями науки (квантовой физики в особенности) – в новую, сложную, но интригующую и пробуждающую воображение картину познания.

Самое интересное в этой связи состоит в том, что две описанные выше «пирамиды» уже не вступают в смертельную схватку (как это могло бы случиться – и реально случалось – сто или сто пятьдесят лет назад). Как заметил бы Нильс Бор, они не столько противоречат, сколько дополняют друг друга, рисуя нам образ более сложной и более вдохновляющей реальности. И это была бы справедливая оценка, отвечающая как новому уровню ищущей науки, так и методологической гибкости и глубине новой познавательной философии, которая становится все ближе и ближе к философии человека (когда начинает выполняться завет Сократа о подчинении всех и всяческих натурфилософских поисков исходной важности человека и человеческой глубине).

При этом в любом случае необходимо отметить первостепенную важность переходных слоев от уровня к уровню (в каком бы направлении этот переход не осуществлялся) – вещественно-энергетического (*масса – энергия*), энергоинформационного (*энергия – энтропия – структура*), информационно-духовного (*информация – сознание, информация – культура, информация – творчество*). Эти переходные зоны столь же интересны и потенциально богаты, как и междисциплинарные области познания, где, как уже давно замечено, различные науки вступают в весьма плодотворные контакты.

Понимая вышесказанное, мы все же будем в большей мере придерживаться традиционной методологии (пока еще более привычной для естествознания), а к «пирамиде перевернутой» обращаться по большей части в тех случаях, когда будут обсуждаться сложнейшие вопросы духовного бытия человека, его культуры, его творческих исканий, его страхов и его надежд (и это не столько тактический компромисс, сколько необходимый переход к более сложным познавательным моделям).

Итак, в первом варианте перед нами – традиционная пирамида мироздания (*материальная*).

Начнем с нижнего этажа, простого и понятного даже с обыденной точки зрения – с **вещества**: тут речь необходимым образом пойдет о вещественном *фундаменте бытия* – это окружающие нас близкие и далекие вещи, это квантованные поля, элементарные частицы и атомы, молекулы простые и сложные, жидкости и газы, вода, атмосфера, твердые породы, минералы, почва, органические соединения, камни, травы, деревья, короче говоря, все вещественные составляющие жизни. К этому добавим компоненты, первостепенно важные для экономики – полезные ископаемые и их добычу, руды и металлы, углеводороды и азотистые соединения, синтез новых веществ, добывающую, химическую и обрабатывающую промышленность. При этом нельзя упустить из виду правильного понимания соотношения вещества и поля. Гравитационные, электромагнитные и прочие поля играют в нашей жизни более чем значительную роль. Это стало предельно ясным за последнее столетие, когда бескрайнее море приборов и

устройств научилось работать с полями – самым естественным образом. Вот почему для нас оказывается крайне важным принцип единства вещества и поля – с учетом полного взаимопревращения массы и энергии в актах аннигиляции. (Забегая вперед, можно было бы высказать любопытную гипотезу о возможности в ряде процессов полного *превращения массы-энергии в информацию и обратно*, но следует признать, что в нынешней науке для подобной гипотезы время еще не наступило.)

Энергия: здесь речь пойдет об активности бытия (потенция и акт, движение и скорость, динамика и взаимопревращение частиц и волн, равновесие и неравновесность в физических процессах), об энтропии и качестве энергии в системах закрытых и открытых, о космологических открытиях типа темной энергии, об энергетических составляющих жизни, о миграции энергии в почвах, о роли энергии в жизни человека и социума, о проблемах реальной энергетики современного человечества...

Информация: в пространстве этого важнейшего термина (еще не так давно понимавшегося очень узко – как знания, передающиеся от человека к человеку) возникают интереснейшие, в некотором смысле первостепенные вопросы. Это проблемы *сложности бытия* – разнообразие мира и его фрагментов, порядок и хаос в мироздании, структурность и системность вещей и процессов. Это возможность развития от простого к сложному, понимание информации как *отрицательной энтропии* (что открывает путь для понимания связи *информация – энергия и информация – вещество*), эволюция жизни, причинность и наследственность, возможность коммуникации, общение и язык, целесообразность и целевая причинность, сложные и сверхсложные системы, самоорганизация, потенциально выходящая к самовоспроизведению объектов и даже к самопониманию субъекта...

Дух – это столь всем известное и столь часто повторяемое (до банальной скуки и насмешек) и одновременно столь загадочное (а для многих по-прежнему туманное и даже темное) слово. Его не так-то легко использовать – ибо оно давно стало расхожим клише, литературным и ораторским штампом, за которым не всегда понятно, что кроется. Любопытно заметить, что первых три выше названных понятия (объективно описывающих бытие) относятся к классу измеримых. Их не только научились точно измерять, но даже широко известны единицы измерения (килограммы, киловатты и килобайты). И эти измерения имеют не только теоретический, но и большой практический смысл. Этого решительно нельзя сказать о духе. Процедуры научного измерения тут бессильны и бесполезны. Мы сталкиваемся здесь с чем-то качественно иным, в силу чего становится сложной для понимания и изучения и сама граница перехода от информации (тем более, от более низких ступеней бытия) к уровню духовному, к сложному образному миру человека. Единственное, что можно сказать определенно, – это та *граница*, где мы сталкиваемся с наиболее глубокой загадкой бытия, с загадкой человека.

Однако пользоваться этим словом совершенно необходимо, если мы не хотим устранить из нашей целостной картины мира весь высший уровень бытия, а вместе с ним и весь высший уровень человеческой культуры – как области самопознания и самопретворения. Ибо другого слова, способного полноценно заменить это, столь знакомое и столь профанированное, так и не придумали. Итак, дух! Здесь речь с необходимостью должна идти о смысловой стороне бытия – сознание и самосознание, рефлексия, напряженные размышления и сомнения, жестокие вопросы сознания, обращенные к самому себе, знаковые и семантические поля, символы, культура, познание, просвещение, наука, техника, творчество, понятие о Творце, практика молитвы как попытка разговора с Творцом, поиски высшего смысла, подлинные цели и ценности, нравственные законы, понятия блага, веры и совести, понятия греха и воздаяния...

Глава 3. Планета – неуправляемая система

Человек незаменим. Значит, сколь бы невероятной ни была перспектива, он должен достигнуть конечной цели, несомненно, не по необходимости, но неминуемо.

Пьер Тейяр де Шарден

Планета Земля находится в состоянии саморегуляции около четырех с половиной миллиардов лет. Но мало кто ныне осознает, что настало совсем другое время – когда эту саморегуляцию необходимо дополнить разумным управлением, и задачу такого управления должен взять на себя человек.

Саморегуляция

Поверхностные слои нашей планеты уникальны. Других таких пока мы не знаем. Они являют собою средоточие всех уровней бытия – литосфера, гидросфера, атмосфера, поле тяготения, магнитное поле, биосфера, антропосфера (родовым образом связанная с биосферой, но заметным образом вышедшая за ее пределы и сложным образом пронизанная техносферой), элементы ноосферы (участки планеты и ближнего космоса, преобразованные человеческим разумом). Мы уже довольно много знаем о генезисе и условиях формирования этих слоев, об их развитии, структуре, различиях и единстве, но, разумеется, далеко не все.

Для начала можно исходить из следующей максимы: поверхностные слои планеты – открытая, саморазвивающаяся, *самоуправляющаяся* система – своеобразный организм невероятной сложности. При изучении этого фантастически выверенного организма (для которого наисложнейшая биосфера – лишь его продвинутая *часть*) люди, как правило, выявляют отдельные формы, структуры, параметры и тенденции изменений (структурные взаимосвязи, характер и особенности роста, пределы этого роста, темпы развития подсистем).

Человек долгое время вмешивался в эти процессы стихийно – со времен собирательства, охоты и первых опытов земледелия до промышленной революции. Несмотря на всевозможные планы «преобразования природы» последнего столетия, не взирая на бурные и пламенные обсуждения опасных последствий подобного «преобразования», несмотря на призывы действовать разумно и системно, несмотря на некоторые отдельные реальные шаги (многие из которых, увы, похожи на суетливые и даже судорожные движения), пока еще мало что изменилось в аспекте общей разумности глобальной деятельности человека (если позволительно так выразиться, в плане его *ноосферности*). Следует сказать прямо – наше вмешательство в планетарные дела пока еще преимущественно стихийное, во многом варварское и по отношению к биосфере – враждебное. О серьезном, многоаспектном уровне управления биосферой-антропосферой – при необходимой согласованности с высокими этическими идеалами – пока еще говорить не приходится. Более того, остается под вопросом сама возможность такого управления в принципе. Но разговор об этом уже начался, он идет, и нет сомнений в том, что обсуждение данной темы с необходимостью будет продолжено, поскольку острота самого вопроса стремительно нарастает.

Мы же отметим, что поскольку глобализация, охватившая по существу все упомянутые выше планетарные сферы и, прежде всего, антропосферу, понимается преимущественно как объективно-исторический процесс, то пути решения связанных с нею всевозможных проблем, в том числе и управления социальными системами, следует искать в первую очередь в области структурных изменений мирового социума. При этом важно подчеркнуть, что природные системы, как и биосфера в целом, составной частью которой является *человек биологический*, в своем развитии регулируются естественным образом, подчиняясь действию природных законов. Таким образом, в данном случае речь идет о *саморегуляции* сложных систем.

Иначе обстоит дело с общественными системами, которые не только регулируются, но еще и *управляются*, так как в их развитии важную роль играет субъективный фактор – человек, действующий активно и творчески, но порой, увы, и деструктивно. Он в пределах своих возможностей осознанно воздействует на различные параметры общественного развития и вполне очевидно, что в условиях многоаспектной глобализации теперь уже и все мировое сообщество должно соответствующим образом не только *регулироваться*, но и *управляться*. В этой связи принципиально важно проводить различие между регулированием и управлением, поскольку дело касается принципиально разных вещей.

Так, например, *саморегулирование* следует рассматривать как самопроизвольный, базирующийся на естественных законах процесс функционирования природных и даже социальных систем. При этом в социуме мы имеем дело также и с преднамеренными действиями, направленными на обеспечение функционирования соответствующей системы в пределах параметров, заданных естественным или искусственным путем. В этом случае следует говорить о *предзаданном, сознательно осуществляемом регулировании*.

Посредством регуляции, равно как и саморегуляции, решается задача оптимального функционирования той или иной системы, когда создаются наиболее благоприятные условия для взаимодействия различных ее составных частей. Регулирование при этом направлено, как правило, на достижение согласованных действий отдельных частей целого и происходит как стихийно, если дело касается саморегулирующейся системы, так и осознанно, когда роль регулятора выполняет человек. Примером естественного (стихийного) регулирования какой-либо биосистемы может служить постоянно изменяющаяся в соответствующих пределах численность какой-нибудь популяции. В зависимости от генома, наличия кормовой базы или конкретных условий окружающей среды могут меняться не только численность, но и внешние параметры живых организмов. Саморегулирующейся системой является и биосфера в целом, сбалансированное и устойчивое развитие которой поддерживается естественными законами и, в частности, законом борьбы за выживание. Целенаправленным же регулирование становится тогда, когда оно осуществляется с участием субъективного фактора, задающего те или иные параметры функционирования соответствующей системы. Так действует, например, регулировщик движения на перекрестке, часовщик, устанавливающий соответствующий ход часов, инженер, задающий определенный уровень стока воды в водохранилище или радиослушатель, настраивающий приемник. Регулирование может осуществляться и в автоматическом режиме, как то происходит, например, когда движение на дорогах управляется посредством светофоров.

Управление и цели

Иначе обстоит дело с *управлением*. В отличие от регулирования оно не возникает само собой, стихийно. Управление всегда предполагает наличие активно действующего человека и характеризуется более сложной структурой отношений между субъектом и объектом. Будучи тесно связанным с такими понятиями как «право» и «управа», *управление* характеризуется направленностью на решение той или иной задачи и представляет собою процесс или действия, *сознательно* осуществляемые с целью достижения определенного результата. В основе такой деятельности лежит соответствующий порядок поведения, тесно связанный с творческой активностью субъекта, который принимает решения не только на основе предзаданных норм и правил, но и в зависимости от своих целей и мотивов, а также от изменения ситуации.

Таким образом, в отличие от регулирования *управление* всегда связано с сознательной деятельностью людей, в основе которой лежат целеполагание и творческое начало. Другими словами, управление только и может осуществляться сознательно и целенаправленно. Оно предполагает наряду с получением того или иного результата еще и поиск наиболее оптималь-

ных путей достижения цели. По этой причине любое управление всегда предполагает вариантность траекторий и творческую активность людей. Оно не может возникнуть случайно или только лишь в силу естественного хода событий. Вот почему феномен управления возникает только в обществе и выстраивается в соответствии с целями субъекта по некому алгоритму, задающему параметры управляемой системы. Таким образом, в отличие от регулирования здесь всегда есть *субъект управления*, который ставит те или иные цели и обеспечивает их достижение посредством активных действия и соответствующих решений.

Обобщая, можно сказать, что *управление* – это более высокий тип *регулирования* подобно тому, как, например, *развитие* является более совершенной формой *движения*. Тогда вполне очевидно, что также, как не может быть развития без движения, в то время как движение без развития мы наблюдаем сплошь и рядом, *управление* с необходимостью предполагает *регулирование*. А вот регулирование вполне может происходить и без управления.

Если принять во внимание указанные различия, то в этом контексте можно говорить и об исторической трансформации общественных отношений, когда их естественное регулирование со времени появления государства дополнилось еще и управлением. В дальнейшем развитие общественных систем шло с нарастанием их сложности, причем не только по причине все большего разветвления их внутренних структур, но и все более интенсивного и широкого взаимодействия с окружающим миром, представленным, как уже отмечалось выше, различными сферами планеты. Во всей своей совокупности и взаимодействии все эти сферы являют собою мегасистему гигантской сложности. У подобных систем имеет место весьма непростое соответствие между целым и его составными частями. В частности, сложная система не является простой суммой своих частей и может обладать свойствами, которых нет ни у одной из них. В то же время свойства каждой из частей сложной (тем более – сверхсложной) системы не вытекают непосредственно из свойств целого. При этом нас по-прежнему интригует простой по смыслу, но невероятно трудный по осмыслению вопрос о том, как и почему на поверхности именно нашей планеты возникла и сложилась та уникальная, всеохватная тонкая пленка жизни, которую мы называем биосферой? И как вслед за этим возникло то удивительное планетарное явление, которое мы называем человечеством?

Зададимся одним из срезов этих основополагающих вопросов: каковы те *конкретные* условия на планете, которые обеспечивают возможность жизни и нашего с вами существования? В целом, разумеется, на подобный вопрос современная наука ответить не готова, поэтому речь пойдет о первом приближении к этой многогранной проблеме, по-прежнему полной неожиданностей и тайн. На самом деле этих условий невероятно много, даже элементарно-поверхностный подход к ним заставляет наш взор уходить далеко за границы планеты и даже Солнечной системы. Поэтому ограничимся перечислением лишь некоторых условий, одни из которых очевидны, тогда как другие – более туманны, а, порой, и вовсе неожиданно загадочны. Наша задача – нащупать некую тенденцию в перечне этих условий.

Начнем с размышлений о нашей Галактике, которая принадлежит к числу средних, даже заурядных: многие галактики меньше нашей, но есть и куда крупнее. Поначалу трудно оценить значимость этого обстоятельства, но дальнейшая логика покажет нам, что быть *средним* – очень даже неплохо и по-своему выгодно (если исходить из возможных условий возникновения и развития жизни). Весьма средней звездой является и наше Солнце. Находится оно скорее на периферии Галактики, но все же и не на дальнем краю ее. Астрономы замечают по этому поводу: ближе к центру Галактики слишком сильны гравитация и излучения, условия для какой-либо жизни там едва ли возможны; с другой стороны, плохо оказаться и на дальних границах звездного скопления, где процессы протекают недостаточно интенсивно и появление там жизни выглядит весьма проблематичным. Получается, что Солнечная система словно бы сама по себе *выбрала*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.